



Н.П. ПЕЧНИКОВ

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПО-
ДОЗРЕВАЕМОМУ И
ОБВИНЯЕМОМУ ПРАВА
НА ЗАЩИТУ**

◆ ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГТУ ◆

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»

Н.П. ПЕЧНИКОВ

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОДОЗ- РЕВАЕМОМУ И ОБВИ- НЯЕМОМУ ПРАВА НА ЗАЩИТУ

Утверждено к изданию секцией по юридическим наукам
Научно-технического совета ТГТУ



Тамбов
Издательство ТГТУ
2006

УДК 343
ББК Х311
ПЗ17

Рецензенты:

Кандидат юридических наук, подполковник милиции,
начальник кафедры криминалистики и уголовного процесса
Тамбовского филиала Московского университета МВД РФ
М.А. Желудков

Кандидат экономических наук, заместитель директора
Межотраслевого регионального центра повышения квалификации
А.В. Синельников

Печников, Н.П.

ПЗ17 Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. – 80 с. – 100 экз. – ISBN 5-8265-0513-3.

Монография посвящена сравнительному анализу уголовного, уголовно-процессуального и некоторых аспектов конституционного законодательства.

Предназначена специалистам, занимающимся вопросами юриспруденции, и студентам, обучающимся по специальности "Юриспруденция".

УДК 343
ББК Х311

ISBN 5-8265-0513-3

© Печников Н.П., 2006
© ГОУ ВПО "Тамбовский государственный
технический университет" (ТГТУ), 2006

Научное издание

ПЕЧНИКОВ Николай Петрович

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОДОЗРЕВАЕ- МОМУ И ОБВИНЯЕМОМУ ПРАВА НА ЗАЩИТУ

Монография

Редактор Т.М. Глинкина
Инженер по компьютерному макетированию Т.А. Сынкова

Подписано в печать 16.10.2006.
Формат 60 × 84 / 16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
4,0 уч.-изд. л. Тираж 100 экз. Заказ № 552

Издательско-полиграфический центр
Тамбовского государственного технического университета,
392000, Тамбов, Советская 106, к. 14

ВВЕДЕНИЕ

Основные направления научных исследований в области правового регулирования уголовно-процессуального принуждения в уголовном процессе Российской Федерации прежде всего связаны с формированием в нашей стране правового государства, проведением судебно-правовой реформы, законодательным урегулированием уголовно-процессуальных институтов, обеспечивающих, с одной стороны, максимальную эффективность деятельности органов расследования, прокуратуры и суда по борьбе с преступностью и, с другой стороны, оптимальные условия для защиты установленных Конституцией Российской Федерации и действующим законодательством прав, свобод и обязанностей российских, иностранных граждан и лиц без гражданства, попадающих в орбиту уголовного судопроизводства Российской Федерации.

В настоящей работе делается попытка рассмотреть некоторые аспекты процессуальных гарантий подозреваемого и обвиняемого в стадии досудебного расследования, обязанности прокурора, направленные на охрану и обеспечение законных интересов и прав подозреваемого и обвиняемого.

В работе не дается исчерпывающего изложения всех вопросов темы. Объем настоящей работы позволил остановиться только на наиболее важных и спорных вопросах, которые различно решаются в теории уголовно-процессуального права и практике расследования уголовных дел.

В основу исследования положен сравнительный анализ: уголовного, уголовно-процессуального и некоторых аспектов конституционного законодательства.

1 ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЦ, ПОДВЕРГАЮЩИХСЯ УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ

1.1 ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ОТ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

"Уголовное преследование – деятельность, осуществляемая прокурором, следователем, органом дознания, дознавателем с целью изобличения на основе собранных доказательств подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления" (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Данное понятие использовалось в российском уголовно-процессуальном законодательстве и ранее. Устав уголовного судопроизводства излагал его в различных интерпретациях – "судебное преследование" (ст. 2), "судебное преследование в отношении к уголовной ответственности обвиняемого" (ст. 16), "уголовное преследование" (ст. 542). Анализ содержания перечисленных статей свидетельствует, что под уголовным преследованием в УПК РФ подразумевается возбуждение уголовного дела и последующее изобличение лиц, обвиняемых в совершении преступлений.

Понимание уголовного преследования как деятельности именно по изобличению подозреваемых и обвиняемых, думается, более соответствует действительности. Разумеется, уголовное дело возбуждается главным образом для выявления обстоятельств совершенного преступления и установления виновного в нем лица. Если подозреваемый известен в момент возбуждения дела, то изобличение начинается немедленно.

Однако нередко подозреваемый, а тем более обвиняемый появляются в деле гораздо позднее или не появляются вообще, когда преступление остается нераскрытым. Не исключается также возбуждение уголовного дела по признакам преступления, когда на самом деле преступления не было. В подобных случаях органы расследования ведут поиски возможного субъекта преступления. Уголовное преследование в такой ситуации существует лишь эвентуально и проявляется, как только обнаруживаются достаточные данные о конкретном лице, дающие основания поставить его в положение обвиняемого или подозреваемого. По своему содержанию уголовное преследование является выражением уголовно-процессуальной функции обвинения в стадии расследования.

Субъект, в отношении которого ведется уголовное преследование, может сразу фигурировать в качестве обвиняемого. Но, как известно, не всегда. Возможен вариант, когда сначала он появляется в уголовном деле как подозреваемый, а затем уже становится обвиняемым. Как, впрочем, не всегда и подозреваемый превращается в обвиняемого. Каждый из них по действующему уголовно-процессуальному законодательству занимает положение самостоятельного участника уголовного процесса (ст. 46 и 47 УПК РФ). Но их роднит одно: оба они – лица, подвергающиеся уголовному преследованию.

Уголовное преследование в отношении конкретных лиц предполагает предоставление этим лицам возможности защищаться. Кроме них самих, в такой защите заинтересовано и государство, наделяющее соответствующие государственные органы полномочиями по осуществлению уголовного преследования. Как свидетельствует следственная практика уголовного судопроизводства, аргументы органов уголовного преследования во избежание судебных ошибок нуждаются в проверке на прочность путем сопоставления их с контраргументами со стороны защиты.

Возможность защищаться в уголовном процессе выражается в праве на защиту. Его субъектом до недавнего времени обычно считался обвиняемый¹. Указанное право распространено на подозреваемого, что можно рассматривать как логическое завершение формирования позиции законодателя по отношению к указанным участникам процесса с учетом реально существующего принципиального сходства их процессуального положения.

В отечественной юридической литературе право обвиняемого (подозреваемого) на защиту рассматривается как основа всех процессуальных прав, предоставляемых лицу для отстаивания своих интересов, интегрированное выражение этих прав². Реализация права на защиту в первую очередь образует то, что принято понимать под защитой в качестве одной из основных уголовно-процессуальных функций. Одновременно защитой является и деятельность защитника как представителя интересов субъекта прав на защиту³.

¹ См.: Печников Н.П. Проблемы обвинения и защиты по уголовным делам // Проблемы методики расследования преступлений. – Тамбов, 2005. – Вып. 3. – С. 33.

² См.: Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. – М., 1984. – С. 17.

³ См.: О размере оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда: Постановление Правительства РФ № 400 от 04.07.2003.

Следует заметить, что предоставление любого права может превратиться в формальность, если не будут созданы необходимые условия для его осуществления. Поэтому действующее уголовно-процессуальное законодательство не просто предоставляет право на защиту, но и предусматривает его обеспечение, причем последнее выступает на первый план⁴. Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту заслуженно признается в качестве принципа уголовного процесса (ст. 16 УПК РФ).

Следует заметить, что право на защиту подозреваемому и обвиняемому реализуется в двух основных формах: путем личного осуществления предоставленных им прав и с помощью защитника, использующего целый комплекс предоставленных ему законом полномочий. Обе эти формы могут использоваться подозреваемым или обвиняемым одновременно в ходе производства по делу.

Значение этих полномочий определяется тем, что принцип права на защиту выступает юридической предпосылкой реализации гарантий не только прав и интересов личности, но и интересов правосудия. Использование юридических средств противостояния обвинения служит установлению подлинных обстоятельств дела, вынесению в конечном счете законного и обоснованного окончательного решения.

Развернутая нормативная регламентация института права на защиту содержится в конституционном праве и уголовно-процессуальном законодательстве. Конституция не только провозглашает право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, но и устанавливает в ч. 2 ст. 48 круг лиц, которым гарантируется право на получение юридической помощи в осуществлении защиты (задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления), ее качество (квалифицированная), условия представления (бесплатная в случаях, предусмотренных законом), начальный этап реализации в уголовном процессе (с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения).

Осуществление этих и иных положений Конституции Российской Федерации, утверждающих и детализирующих различные проявления реализации права на защиту в уголовном судопроизводстве, регламентируется в уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 47, 49, 50, 51 УПК РФ).

Процессуальный закон подтверждает право обвиняемого лично защищать свои законные интересы; ему должно быть предоставлено достаточное время и созданы возможности для подготовки к защите.

Совокупность предоставляемых подозреваемому (обвиняемому) процессуальных прав и средств, позволяющих ему знать, в чем он обвиняется, давать свои объяснения, возражать против обвинения, оспаривать выдвинутые против него обвинения или подозрения в совершении преступления, доказывать свою непричастность к нему, невиновность или меньшую степень вины, опровергать обвинительные доказательства, заявлять ходатайства, знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, приносить жалобы на действия и решения должностного лица, производящего дознание или ведущего предварительное следствие⁵, обжа-

⁴ См.: Печников Н.П. Доказательства в системе средств обеспечения обвинения и защиты // Проблемы борьбы с преступностью. – Тамбов, 2003 – С. 10 – 13.

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы о проверке конституционности пункта 10 части четвертой ст. 46 (см. Определение Конституционного Суда РФ № 432-О от 24.11.2005).

ловать приговор и иные судебные решения, составляет правовую основу института права на защиту в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, предоставление обвиняемому реальной возможности активно защищаться от предъявленного ему обвинения путем наделения его совокупностью процессуальных прав, позволяющих ему самому защищать свои права и законные интересы, составляет характерную особенность института и принципа права на защиту. Эти полномочия в значительной мере определяют правовой статус подозреваемого (обвиняемого) в уголовном процессе.

Законодатель возлагает на ведущие процесс государственные органы и должностных лиц обязанность обеспечить обвиняемому возможность защищаться от предъявленного обвинения законными способами и средствами. О наличии у подозреваемого, обвиняемого права на производство всех этих действий лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, судья должны сообщить участвующим в деле лицам, разъяснить порядок использования названных прав и обеспечить возможность их полного осуществления (ч. 6 ст. 47, ч. 1 ст. 92, ст. 267 УПК РФ).

Так например, Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений части первой ст. 47 и части второй ст. 51 УПК РСФСР.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина В.И. Маслова на нарушение его конституционных прав от 2 октября 1997 г. в рамках расследования по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного статьей 163 УК Российской Федерации. Следственными органами при ГУВД города Санкт-Петербурга и Ленинградской области был произведен обыск по месту жительства гражданина В.И. Маслова, после чего он был принудительно доставлен в региональное управление по борьбе с организованной преступностью, где удерживался более 16 часов. За это время в отношении него был проведен ряд других следственных действий – опознание, допрос в качестве свидетеля, очная ставка.

В ответ на ходатайство В.И. Маслова об обеспечении помощи адвоката (защитника) следователь разъяснил ему, что в соответствии с частью первой ст. 47 УПК РСФСР такая помощь предоставляется только обвиняемому – с момента предъявления обвинения и подозреваемому – с момента объявления ему протокола задержания или постановления о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, а поскольку В.И. Маслов в данный момент по своему процессуальному положению является свидетелем, его просьба не может быть удовлетворена. Протокол же о задержании в качестве подозреваемого был объявлен В.И. Маслову после того, как он уже длительное время находился в положении фактически задержанного и в отношении него были проведены опознание, допрос в качестве свидетеля и очная ставка.

После предъявления В.И. Маслову обвинения осуществляющий его защиту адвокат заявил ходатайство об ознакомлении с протоколами следственных действий, проведенных с участием В.И. Маслова до признания его подозреваемым, в чем ему было отказано, так же, как и в производстве выписок из материалов, предоставленных для ознакомления, на том основании, что, по мнению следователя, в силу части второй ст. 51 УПК РСФСР эти права защитник может реализовать лишь после окончания следствия.

Действия следователя неоднократно обжаловались В.И. Масловым и его защитником в прокуратуру и суд, которые, однако, не усмотрели в них каких-либо нарушений права В.И. Маслова пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания. Только после рассмотрения судом кассационной инстанции их требова-

ния в части, касающейся применения части второй ст. 51 УПК РСФСР, были удовлетворены: признан незаконным отказ защитнику в предоставлении для ознакомления протоколов следственных действий, проведенных с участием его подзащитного, и в производстве выписок из процессуальных документов.

Гражданин В.И. Маслов, полагая, что его конституционным правам в уголовном процессе причинен невосполнимый ущерб, поскольку они своевременно не были реализованы на важной для защиты стадии уголовного процесса, обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с просьбой проверить конституционность примененных в его деле положений УПК РСФСР, как противоречащих ст. 45 (ч. 2), 48 (части 1 и 2) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации.

Таким образом, предметом рассмотрения по настоящему делу являются положения части первой ст. 47 УПК РСФСР, которые допускают защитника к участию в деле с момента объявления лицу, подозреваемому в совершении преступления, протокола задержания либо постановления о применении до предъявления обвинения меры пресечения в виде заключения под стражу; а также положения части второй ст. 51 УПК РСФСР, которые толкуются правоприменительной практикой как не предоставляющие защитнику до окончания расследования по делу право знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с участием его подзащитного до того, как он был признан подозреваемым, и документами, которые предъявлялись либо должны предъявляться подозреваемому и обвиняемому, и исключающие право выписывать необходимые сведения из материалов, с которыми защитник был ознакомлен.

Следует заметить, что Конституция Российской Федерации, гарантируя государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (ст. 2; ст. 45, ч. 1), предоставляет каждому право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48, ч. 1) и, кроме того, прямо предусматривает, что "каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения" (ст. 48, ч. 2).

Закрепляя это право как непосредственно действующее, Конституция Российской Федерации не связывает предоставление помощи адвоката (защитника) с формальным признанием лица подозреваемым либо обвиняемым, а следовательно, и с моментом принятия органом дознания, следствия или прокуратуры какого-либо процессуального акта, и не наделяет федерального законодателя правом устанавливать ограничительные условия его реализации.

Норма ст. 48 (ч. 2) Конституции Российской Федерации определенно указывает на сущностные признаки, характеризующие фактическое положение лица как нуждающегося в правовой помощи в силу того, что его конституционные права, прежде всего на свободу и личную неприкосновенность, ограничены, в том числе в связи с уголовным преследованием в целях установления его виновности. Поэтому конституционное право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным.

По буквальному смыслу положений, закрепленных в ст. 2, 45 и 48 Конституции Российской Федерации, право на получение юридической помощи адвоката гарантируется каждому лицу независимо от его формального процессуального статуса, в том числе от признания задержанным и подозреваемым, если управомоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность,

включая свободу передвижения, – удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность.

В противоречие с требованиями ст. 48 Конституции Российской Федерации оспариваемые положения части первой ст. 47 УПК РСФСР препятствуют реализации права на помощь адвоката (защитника), допуская ее не с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, а лишь с момента объявления ему органами дознания и следствия протокола задержания или постановления об аресте, в результате чего реализация права на защиту и права пользоваться помощью адвоката (защитника) ставится в зависимость от усмотрения этих органов.

Такое усмотрение открывает возможность для недопустимых произвольных властных действий в отношении лица, чьи конституционные права и свободы ограничиваются, что не только противоречит принципам свободы и личной неприкосновенности (ст. 22, ч. 1 Конституции Российской Федерации), но и умаляет достоинство личности как основу признания и уважения ее прав и свобод (ст. 21, ч. 1 Конституции Российской Федерации).

Закрепленное в ст. 48 (ч. 2) Конституции Российской Федерации право пользоваться помощью адвоката (защитника) является конкретизацией более общего права, предусмотренного ч. 1 той же статьи, – права каждого на получение квалифицированной юридической помощи (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.01.1997 по делу о проверке конституционности части четвертой ст. 47 УПК РСФСР). Поэтому ст. 48 (ч. 2) Конституции Российской Федерации, дополнительно гарантирующая защиту от необоснованных ограничений предусмотренного ст. 22 Конституции Российской Федерации права на свободу и личную неприкосновенность, не может толковаться как ограничивающая право на квалифицированную юридическую помощь адвоката – такая помощь должна быть предоставлена каждому лицу, в том числе в рамках уголовного преследования в любых его формах. Иное истолкование было бы умалением конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи, которое не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах и противоречило бы ст. 55 (ч. 3) и 56 (ч. 3) Конституции Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.03.1996 по делу о проверке конституционности ст. 1 и 21 Закона Российской Федерации "О государственной тайне").

Поскольку конституционное право на помощь адвоката (защитника) не может быть ограничено федеральным законом, то применительно к его обеспечению понятия "задержанный", "обвиняемый", "предъявление обвинения" должны толковаться в их конституционно-правовом, а не в придаваемом им Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР более узком смысле. В целях реализации названного конституционного права необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. При этом факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него (в частности, разъяснением в соответствии со ст. 51 (ч. 1) Конституции Российской Федерации права

не давать показаний против себя самого). Поскольку такие действия направлены на выявление уличающих лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, фактов и обстоятельств, ему должна быть безотлагательно предоставлена возможность обратиться за помощью к адвокату (защитнику). Тем самым обеспечиваются условия, позволяющие этому лицу получить должное представление о своих правах и обязанностях, о выдвигаемом против него обвинении и, следовательно, эффективно защищаться, и гарантирующие в дальнейшем от признания недопустимыми полученных в ходе расследования доказательств (ст. 50, ч. 2 Конституции Российской Федерации).

Изложенное понимание конституционных норм о праве каждого при осуществлении в отношении него уголовного преследования на доступ к адвокату согласуется также с нормами международного права, в соответствии с которыми в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина (ст. 15, ч. 4; ст. 17, ч. 1 Конституции Российской Федерации).

Доступ к адвокату как неотъемлемая гарантия права на защиту в случае уголовного обвинения предусмотрен ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также ст. 5 и 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которым каждому арестованному или задержанному сообщаются незамедлительно причины ареста и предъявляемое обвинение и обеспечивается право на безотлагательное решение судом вопроса о законности задержания и справедливое публичное разбирательство дела при предоставлении возможности защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника.

Рассматривая право обвиняемого на получение помощи адвоката как распространяющееся на досудебные стадии производства (решение от 24.05.1991 по делу *Quaranta*, Series A, no. 205, para 27; решение от 24.11.1993 по делу *Ymbrioscia*, Series A, no. 275, para 36), Европейский суд по правам человека сформулировал ряд положений, согласно которым отказ задержанному в доступе к адвокату в течение первых часов допросов полицией в ситуации, когда праву на защиту мог быть нанесен невосполнимый ущерб, является – каким бы ни было основание такого отказа – несовместимым с правами обвиняемого, предусмотренными ст. 6 (пункт 3с) Конвенции о защите прав человека и основных свобод (решение от 8.02.1996 по делу *Murray*, 1996-1, para 66). При этом под обвинением в смысле ст. 6 Конвенции Европейский суд по правам человека понимает не только официальное уведомление об обвинении, но и иные меры, связанные с подозрением в совершении преступления, которые влекут серьезные последствия или существенным образом сказываются на положении подозреваемого (решение от 27.02.1980 по делу *Deweert*, Series A, no. 35, para 44, 46; решение от 15.07.1982 по делу *Eckle*, Series A, no. 51, para 73; решение от 10.12.1982 по делу *Foti*, Series A, no. 56, para 52), т.е. считает необходимым исходить из содержательного, а не формального понимания обвинения.

Таким образом, оспариваемые положения части первой ст. 47 УПК РСФСР, согласно которым лицо, подозреваемое в совершении преступления, получает право пользоваться помощью защитника с момента объявления ему либо протокола задержания, либо постановления о применении до предъявления обвинения меры пресечения в виде заключения под стражу, исходя из их буквального смысла, ограничивают право каждого на досудебных стадиях уголовного судопроизводства пользоваться помощью адвоката (защитника) во всех случаях, когда его права и свободы могут быть существенно затронуты действиями и мерами, связанными с уголовным преследованием, и, следовательно, не соответствуют ст. 17 (ч. 1), 21 (ч. 1),

22 (ч. 1), 48 и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации.

Оспариваемые положения части второй ст. 51 УПК РСФСР, по их буквальному смыслу, не предусматривают право защитника до окончания расследования по делу знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с участием подзащитного до признания его подозреваемым, и с документами, которые предъявлялись либо должны предъявляться подозреваемому и обвиняемому, а также право выписывать из материалов, с которыми защитник был ознакомлен, любые сведения в любом объеме. Именно таким образом эти положения были истолкованы в деле заявителя органами следствия, прокуратуры и в первоначальных решениях – судом.

Данное правоприменителем истолкование, однако, не вытекает из этих норм УПК РСФСР, если их рассматривать во взаимосвязи с положениями, которые устанавливают право и обязанность защитника в уголовном судопроизводстве использовать любые средства и способы защиты, не противоречащие закону (часть первая ст. 51 УПК РСФСР, ст. 16 Положения об адвокатуре РСФСР).

Оспариваемые положения части второй ст. 51 УПК РСФСР обязывают следствие предъявить защитнику подозреваемого как материалы следственных действий с участием подозреваемого, так и документы, которые предъявлялись подозреваемому либо должны быть ему предъявлены, а также которые подтверждают законность и обоснованность применения к нему меры пресечения. Отказ защитнику в ознакомлении с материалами следствия, которые были добыты с участием подозреваемого или стали ему известны иным образом до признания его подозреваемым, как и ограничение права защитника выписывать из материалов, с которыми он был ознакомлен до окончания следствия, любые сведения и в любом объеме не имеют разумного основания, не могут быть оправданы интересами следствия или иными конституционно значимыми целями, допускающими соразмерные ограничения прав и свобод (ст. 55, ч. 3 Конституции Российской Федерации).

Иное истолкование оспариваемых положений части второй ст. 51 УПК РСФСР противоречило бы также смыслу ст. 45 (ч. 1) Конституции Российской Федерации, согласно которой в Российской Федерации гарантируется государственная защита прав и свобод, и ст. 48 Конституции Российской Федерации, закрепляющей право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе право пользоваться помощью адвоката (защитника) по уголовным делам.

Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй ст. 71, ст. 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации постановил:

1 Признать не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее ст. 17 (ч. 1), 21 (ч. 1), 22 (ч. 1), 48 и 55 (ч. 3), положения части первой ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, которые – по их буквальному смыслу – предоставляют лицу, подозреваемому в совершении преступления, право пользоваться помощью защитника лишь с момента объявления ему протокола задержания либо постановления о применении до предъявления обвинения меры пресечения в виде заключения под стражу и, следовательно, ограничивают право каждого на досудебных стадиях уголовного судопроизводства пользоваться помощью адвоката (защитника) во всех случаях, когда его права и свободы существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, связанными с уголовным преследованием.

Впредь до введения федеральным законодателем нового урегу-

лирования подлежит применению непосредственно положение ст. 48 (ч. 2) Конституции Российской Федерации в его истолковании, данном в настоящем Постановлении.

2 Признать положения части второй ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они, будучи истолкованы в конституционно-правовом смысле, не ограничивают право защитника до окончания расследования по уголовному делу знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с участием подзащитного до признания его подозреваемым, и с документами, которые предъявлялись либо должны предъявляться подозреваемому и обвиняемому, а также право выписывать из материалов, с которыми защитник был ознакомлен, любые сведения и в любом объеме.

3 Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после его провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4 С учетом выводов, содержащихся в настоящем Постановлении, гражданину В.И. Маслову должна быть обеспечена возможность обратиться за защитой своих прав и законных интересов, которые могли быть нарушены применением признанного не соответствующим Конституции Российской Федерации положения части первой ст. 47 УПК РСФСР⁶.

Следует заметить, что значительное внимание законодатель уделяет регулированию такой существенной составляющей системы защиты подозреваемого, обвиняемого, какой является право иметь защитника и допуск его к участию в уголовном судопроизводстве⁷.

Поэтому немаловажное значение имеет определение момента, с которого подозреваемый приобретает право воспользоваться помощью защитника. Уголовно-процессуальное законодательство последних лет развивается в сторону отнесения допуска защитника к начальным этапам уголовного судопроизводства. В настоящее время этот существенный вопрос организации защиты подозреваемого (обвиняемого) решается на конституционном уровне: допуск защитника к участию в деле осуществляется с момента соответственно задержания, заключения под стражу, предъявления обвинения. По делам, по которым дознание или предварительное следствие не производилось, защитник допускается с момента принятия дела судом к своему производству.

Реализация конституционного требования о предоставлении квалифицированной юридической помощи имеет своим последствием наделение дознавателя, следователя, судьи полномочием контролировать соответствие этому требованию кандидатур, предлагаемых для участия в уголовном деле в качестве защитника лиц.

Законодатель уважает право обвиняемого на свободный выбор

⁶ О признании не соответствующими Конституции Российской Федерации положений части первой ст. 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, которые предоставляют лицу, подозреваемому в совершении преступления, право пользоваться помощью защитника лишь с момента объявления ему протокола задержания либо постановления о применении до предъявления обвинения меры пресечения в виде заключения под стражу: Постановление Конституционного Суда РФ № 11-П от 27.06.2000.

⁷ Возможность допуска в качестве защитника на предварительном следствии только лица, состоящего в коллегии адвокатов, соответствует Конституции РФ; иные условия, профессиональные критерии и организационно-правовые формы, обеспечивающие оказание помощи в процессе, определяются законодателем: Постановление Конституционного Суда РФ № 2-П от 28.01.1997.

защитника (адвоката) и предоставляет ему право в любой момент производства по делу отказаться от защитника. Однако такой отказ допускается только по инициативе самого обвиняемого и не может являться препятствием для продолжения участия в деле государственного обвинителя или защитников других подсудимых⁸.

Исключительным случаем допустимости судебного разбирательства без участия защитника является разбирательство дела в отсутствие подсудимого, когда подсудимый ходатайствует о рассмотрении дела о преступлении небольшой или средней тяжести в его отсутствие (ч. 4 ст. 247 УПК РФ).

По уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, законодатель удваивает гарантии защиты, устанавливая обязательное привлечение к участию в деле их законных представителей. Привлечение к участию в деле законного представителя подозреваемого, обвиняемого несовершеннолетнего не исключает обязательности участия в деле защитника (п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ).

Согласно ст. 426 УПК РФ законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в ходе досудебного производства по уголовному делу, допускаются к участию в уголовном деле с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого. Законный представитель вправе знать, в чем подозревается или обвиняется несовершеннолетний; присутствовать при предъявлении обвинения; участвовать в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого; знакомиться с материалами дела; представлять доказательства. В судебном заседании законный представитель несовершеннолетнего подсудимого обладает всеми правами стороны. Если законный представитель несовершеннолетнего подсудимого допущен в качестве защитника или гражданского ответчика, то он пользуется правами и несет ответственность за свои действия в порядке, регулируемом ст. 53 и 54 УПК РФ.

Необходимость надлежащего обеспечения прав подозреваемого и обвиняемого обусловлена тем, что производством по уголовному делу их интересы затрагиваются наиболее остро. Главным образом им предназначаются всевозможные меры уголовно-процессуального принуждения. Над ними нависает реальная угроза уголовного наказания. Поэтому вопросы, от решения которых зависят судьба человека, его доброе имя, честь, достоинство и свобода, касаются в уголовном деле, прежде всего, интересов лица, противостоящего уголовному преследованию. Неудивительно, что именно правам личности такого человека, прежде всего, уделяется внимание в уголовном судопроизводстве.

Самое страшное, что может произойти для личности в уголовном процессе, – это осуждение невиновного. Чтобы такого не допустить, наряду с принципом обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту действует принцип презумпции невиновности. В соответствии с ним каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность⁹. Неустранимые со-

⁸ ПЕЧНИКОВ Н.П. В ДЕБРЯХ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ // МАТЕРИАЛЫ НАУЧ.-ПРАКТ. КОНФ. – ТАМБОВ, 2000. – С. 16 – 17.

⁹ Печников Н.П. Некоторые аспекты правоохранительной деятельности в современных условиях // Информационный бюллетень. – Тамбов: Изд-во Тамбовского филиала Московского университета МВД России, 2003. – С. 94 – 96.

мнения толкуются в пользу обвиняемого (ст. 49 Конституции России).

Хотя при изложении содержания названного принципа речь идет только об обвиняемом, вне всякого сомнения его действие полностью распространяется на подозреваемого. Если невиновным до наступления определенных условий считается обвиняемый – лицо, признанное таковым вследствие наличия достаточных доказательств совершения им преступления, то тем более недопустимо считать виновным подозреваемого, в отношении которого подобные доказательства еще собраны. Поэтому вытекающие из презумпции невиновности правила о невозможности возложения на изобличаемое лицо бремени доказывания и толковании в его пользу неустранимых сомнений виновности имеют для подозреваемого такое же значение, как и для обвиняемого.

Приведенная выше формулировка принципа презумпции невиновности развивает и конкретизирует известное положение Международного пакта о гражданских и политических правах: "Каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана согласно закону" (п. 2 ст. 14). Закрепление данного принципа в основном Законе нашего Государства можно расценивать как серьезное достижение в развитии демократии и повышении уровня обеспечения прав личности. Ранее обоснованно отмечалось, что отсутствие полной и четкой формулировки презумпции невиновности давало повод некоторым ученым отрицать значение, негативно влияло на правоприменительную деятельность¹⁰. Теперь почвы для рассуждений о ненужности презумпции невиновности не осталось, в чем, видимо, сыграла свою роль и обоснованная критика ее противников.

Презумпция невиновности устанавливает совершенно четкое различие между обвиняемым (подозреваемым) и преступником. Если в отношении лица нет основанного на неоспоримых доказательствах и вступившего в законную силу приговора, его ни в коем случае нельзя признавать виновным и любое обращение с ним как с преступником неправомерно.

Следует заметить, что в правовом государстве значение презумпции невиновности возрастает. Государство, предназначением которого является защита интересов его граждан, прежде всего само не должно творить произвол в отношении любого гражданина. Наиболее уродливым проявлением такого произвола является признание невиновных виновными и незаслуженное наказание.

Безосновательное объявление виновным и последующее наказание – тяжелый удар для невиновного лица. Но подобные случаи существенно вредят и самому государству. Давно замечено, что преследование и наказание невиновных вызывают сильное общественное возмущение, подрывая чувство доверия к власти, ее авторитет, "государство ранит себя"¹¹. По тяжести социальных последствий судебные ошибки сравнимы с преступлениями. И чем демократичнее государство, тем в большей степени оно следит за своим престижем, и в первую очередь – в глазах собственных граждан¹².

Безусловность требования ни в коем случае не допускать признания невиновных виновными и их осуждения вступает в противоречие с требованием неотвратимости уголовной ответственности как

¹⁰ См.: Лазарев В.М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. – М., 2003. – С. 75.

¹¹ См.: Розин А.А. О вознаграждении лиц, невиновно привлеченных к уголовному суду // Проблемы предварительного расследования. – 2003. – Вып. 9. – С. 83.

¹² См.: Ларин А. Они видят преступника в каждом обвиняемом // Сов. юстиция. – 1992. – № 4. – С. 2.

залога общей и частной превенции преступлений. Исходя из принципа презумпции невиновности коллизия здесь должна разрешаться в пользу первого из названных требований. Как бы не престижно органам уголовного преследования, государству и обществу оставление преступления безнаказанным, вынесение обвинительного приговора в отношении конкретного лица допустимо только при условии полной и несомненной доказанности его вины.

Следователь при расследовании преступлений сталкивается с разными людьми. Иногда первое впечатление общения с субъектом, привлекаемым к участию в деле, может оказаться весьма негативным и тягостным. Однако следователь, в силу принципа публичности, как исполнитель воли государства в стадии расследования не должен руководствоваться только личными впечатлениями. В силу же принципа презумпции невиновности он обязан и с таким субъектом обращаться как с невиновным, даже если убежден в обратном, и обеспечивать ему право на защиту как любому другому добропорядочному гражданину. Признание лица виновным в смысле объявления его преступником – прерогатива суда, и никогда нельзя быть заранее абсолютно уверенным, что в отношении обвиняемого не будет вынесен оправдательный приговор.

Феофанов Ю.В. в одной из своих работ приводит мнение члена Верховного Суда США: "Права честных людей могут быть соблюдены лишь в том случае, если они обеспечены и самым гнусным и отвратительным личностям". Суждение заслуживает внимания. Не судьбы преступников, конечно, заботят американцев, а их собственная свобода, ради которой они создали свою Конституцию¹³.

Естественно, в тех же США и других развитых демократических странах есть силы, заинтересованные в сворачивании процессуальных гарантий, ограничении прав человека. Об этом немало написано с позиций "критического анализа реакционной сущности уголовного процесса буржуазных государств"¹⁴. При оценке зарубежной следственно-судебной практики данный момент обязательно надо учитывать и не брать все без разбора в качестве образца для подражания. Но на положительный опыт, оправдавший себя за рубежом, закрывать глаза было бы неосмотрительно. Современные исследования свидетельствуют, что в основе идей, исходящих от прогрессивной части западных ученых, лежит требование гуманизации и демократизации законодательства, забота о сохранении и упрочении процессуальных гарантий личности.

В российской действительности, где на протяжении десятилетий утверждался примат интересов государства, разумеется, не все еще обстоит так, как в западных странах. Российское государство, провозгласив себя правовым, в настоящее время только приближается к идеалу правового государства и по многим параметрам таковым еще не стало, в том числе – в отношении науки, законотворчества, правоприменения и массового сознания к вопросам обеспечения прав личности в уголовном процессе.

Двадцать лет назад М.С. Строгович считал возможным констатировать, что наука уголовного процесса давно преодолела иногда появлявшиеся ложные представления, будто расширение прав обвиняемого и их гарантий затрудняет борьбу с преступлениями и спо-

¹³ См.: Феофанов Ю.В. Как они борются с преступностью // Рос. юстиция. – 1995. – № 5. – С. 12.

¹⁴ См. напр. Чадаев А.Т. Контроль над преступностью в государствах англосаксонской системы права. – М., 2000. – С. 17.

собствует преступникам уклоняться от ответственности¹⁵. К сожалению, желаемое здесь выдавалось за действительное.

Конечно, сейчас уже не встретишь прямых заявлений о том, что "презумпция невиновности противоречит задачам уголовного судопроизводства". Но появились иные интересные суждения по поводу ее предназначения: "Презумпция невиновности как раз должна быть более интенсивна там, где мы разговариваем с приличными людьми, но не с массой подонков и дегенератов, которые сначала грабят и убивают, а потом издеваются над следователем и судьей, предъявляя абсурдные алиби"¹⁶.

В свое время попытки Д.Я. Вышинского внедрить в российское уголовное судопроизводство положения англо-американского уголовного процесса о переходе в ряде случаев бремени доказывания с обвинителя на обвиняемого были заслуженно раскритикованы и отвергнуты. Судебная практика прочно стала на позиции неприемлемости любых отступлений от презумпции невиновности.

В настоящее время обращают на себя внимание и другие проявления "нового" – не слишком забытого старого в подходе к обеспечению прав личности, – когда процессуальные гарантии с учетом последних законодательных новелл рассматриваются как создающие препятствия в борьбе с преступностью. "Под воздействием многих причин (среди которых мы не можем исключить прямого социального заказа верхушки уголовного мира), – констатирует С.Ф. Милоков, – гарантии безопасности подозреваемого, обвиняемого, подсудимого продолжают укрепляться. Это привело к вопиющему неравенству жертвы (потерпевшего) и преступника"¹⁷. Надо заметить, что проявление подобной озабоченности о потерпевшем симптоматично для текущего момента. В некоторых публикациях проводится мысль о необходимости уравнивать обеспечение прав обвиняемого и потерпевшего. Но не просто путем повышения уровня обеспечения прав потерпевшего, а в некоторой степени за счет снижения уровня обеспечения прав обвиняемого.

Так, предлагается вместо представителя потерпевшего в число участников процесса ввести фигуру защитника потерпевшего с правами, равными правам защитника обвиняемого¹⁸. В данном предложении ничего плохого нет, оно содержит рациональное зерно. Но в связи с указанной новеллой одновременно предлагается, исходя из равенства положения защитников потерпевшего и обвиняемого, ограничить деятельность обоих участием лишь в тех действиях следователя, где принимаются решения о привлечении в качестве обвиняемого, о задержании подозреваемого и признании потерпевшим, а также при первичных допросах указанных участников процесса.

Разумеется, права потерпевшего нуждаются в большем обеспечении так же, как и права лиц, подвергающихся уголовному преследованию. Только разве одно другому мешает? За озабоченностью о "комфорте обвиняемого" при недостаточном внимании законодателя к обеспечению прав потерпевшего слышится мотив тревоги за интересы государства, знакомый со времен действия приоритета государственных интересов перед личными.

¹⁵ См.: Строгович М.С. О правах личности в советском уголовном судопроизводстве // Сов. государство и право. – 1976. – № 10. – С. 74 – 75.

¹⁶ См.: Ветров А.П. Права и обязанности в уголовном процессе. – Саратов, 2004. – С. 34.

¹⁷ Права человека и статус правоохранительных органов (материалы симпозиума в Санкт-Петербургском юридическом институте МВД России) // Государство и право. – 1994. – С. 107.

¹⁸ См.: Тетушкин Б. Закон не учел мнение юридической общественности // Рос. юстиция. – 2002. – № 12. – С. 16.

Нельзя отрицать, что усиление обеспечения прав личности может создавать дополнительные сложности в расследовании преступлений. Определенная взаимосвязь здесь очевидна. Как отмечал А.В. Лебедев, "власть и свобода – две чашки весов, и на законодателе лежит трудная задача постоянного уравнивания их"¹⁹. В современной России прежний баланс между властью и свободой нарушен в пользу последней. Но данное "нарушение" санкционировано со стороны общества принятием ныне действующей Конституции России. Поэтому усиление процессуальных гарантий обвиняемого и подозреваемого вполне закономерно.

Сегодня как никогда ранее актуален вывод В.И. Каминской, что "процессуальными гарантиями может злоупотребить правонарушитель. Однако их отсутствие создает возможность злоупотреблений со стороны должностных лиц, а это по своим последствиям гораздо опаснее для общества". Если рассуждать иначе, то ни о каком соответствии уголовного процесса своему социальному предназначению – быть гарантом от произвола карательных органов государства – говорить не стоит.

Повышение уровня обеспечения прав подозреваемого и обвиняемого совпало в нашей стране со значительным ростом преступности. Однако нет никаких оснований усматривать между указанными явлениями какую-то прямо пропорциональную зависимость. Уровень и состояние преступности определяется главным образом социально-экономическими условиями в обществе и государстве на данный момент. С нашей точки зрения, рост преступности вызван целым рядом объективных причин, в том числе распадом Советского Союза, поступательной сменой экономической и политической формаций, сложностью адаптации значительной части населения к новым условиям и т.д.

Представляется, что для кардинального снижения уровня преступности необходимо, прежде всего, устранить почву, благоприятную для преступных проявлений. Что же касается дополнительных сложностей в расследовании, связанных с усилением обеспечения прав личности, то они должны компенсироваться за счет роста профессионального мастерства и улучшения организации работы органов расследования, усиления их технической оснащенности, внедрения в практику расследования современных криминалистических методик и т.п. При этом не будет лишним учесть опыт других государств.

В нашей стране надлежащее обеспечение прав подозреваемых и обвиняемых осложняется также инертным отношением к данной проблеме со стороны юристов-профессионалов и благоприятствующей этому живучестью стереотипов о допустимости и неизбежности судебных ошибок в сознании населения, озадаченного в настоящее время небывалым ростом преступности²⁰.

Проведенный в 2002 г. опрос 271 судьи, 289 прокуроров, 220 следователей и 133 адвокатов показал, что 76 % из них сочли наиболее опасным для общества осуждение невиновного, 18 % – безнаказанность преступника, 5 % затруднились ответить. Выборочный опрос населения с охватом 5 103 человек в 10 регионах России выявил, что наиболее опасной для общества люди считают безнаказанность преступника – 49 %. Осуждение невиновного по степени опасности

¹⁹ См.: Лебедев А.В. Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве. – М., 2003. – С. 35.

²⁰ Печников Н.П. Формирование профессионального сознания юриста // Междунар. науч.-практ. конф. курсантов и молодых ученых вузов / Тамбовский филиал Московского ун-та МВД России. – Тамбов, 2004. – С. 25 – 27.

для них оказалось на втором месте – 36,8 %. Затруднились ответить – 14,2 %.

Правоприменительной практике органов расследования характерна повышенная интенсивность применения процессуального принуждения в отношении обвиняемого и подозреваемого. Все без исключения, предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры принуждения могут быть обращены против них, что вполне оправданно в интересах установления обстоятельств преступления и виновных лиц. Вопрос заключается в том, насколько оправданно в каждом конкретном случае, то есть в правильности определения законности и обоснованности применения процессуального принуждения.

В современной теории российского уголовного процесса за последнее десятилетие практически все, что касается применения процессуального принуждения, – и не только по отношению к подозреваемому и обвиняемому – обстоятельно исследовано И.Л. Петрухиным, чьи широкие научные воззрения по данной проблематике вполне выражают идеи правового государства²¹. Разделяя в целом взгляды названного автора, хотелось бы, тем не менее, привести некоторые соображения по поводу используемого им подхода к определению процессуального принуждения – в зависимости от восприятия лицом предпринимаемого в отношении его процессуального действия.

По мнению автора, критерий отграничения процессуального принуждения от сферы свободного волеизъявления не носит принудительный характер тех или иных процессуальных действий, а психическое отношение гражданина к возложенной на него обязанности в процессуальном правоотношении с должностным лицом или органом, ответственным за уголовное дело. "Одобряет гражданин возложение на него этой обязанности, воспринимает ее как свой социальный долг, значит, нет принуждения. Если же он противится исполнению этой обязанности, видит в ней чуждое ему обременение, исполняет обязанность под воздействием психической угрозы или силы, значит, налицо принуждение". Исходя из данного подхода, даже задержание и арест в качестве меры пресечения не всегда являются мерами принуждения по отношению к подозреваемому и обвиняемому, а понятие мер процессуального принуждения как следственных действий (выемок, обысков и др.) вообще не имеет права на существование.

Такая позиция не лишена оснований и выглядит подкупающей. Действительно, нельзя исключить, что, например, лицо, в отношении которого высказано предположение о причастности к краже и хранении в своем доме похищенных вещей, может проявлять заинтересованность в производстве у него обыска, чтобы все могли убедиться – подозрение беспочвенно, в его доме похищенного нет. С мнением заинтересованного лица в любом случае необходимо считаться. Однако не исключается также иное, когда желание пойти на ограничение конституционного права на неприкосновенность личности или жилища может проявляться лишь внешне, на словах, при внутреннем убеждении гражданина в нежелательности для него тех или иных процессуальных действий объективно принудительного характера. Возможность подобной ситуации вполне реальна при расследовании, где действие принципов гласности и состязательности ограничено, следовательно ведет производство по делу единолич-

²¹ См.: Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. – М., 1985; Он же. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. – М., 1989; Он же. Личная жизнь: пределы вмешательства. – М., 1989.

но. Причина подобной неискренности в ущерб самому себе может быть довольно проста – неправомерное психическое воздействие на личность, что выявить, однако, далеко не просто.

Сам же И.Л. Петрухин отмечает существование разнообразных средств психического принуждения – в форме угрозы, обмана, внушения, незаконных увещаний. В практической деятельности по уголовному делу даже в порядке прокурорского надзора или судебного контроля разобраться в том, ведет ли подозреваемый или обвиняемый некорректно на словах, заявляя о добровольности ограничения своих прав на деле, поступая так вопреки своей воле, – представляет немалую сложность. Известно, что до сих пор распространенные в практике следственных органов расследования "добровольная выдача" имеющих значение для дела предметов, "явка с повинной" далеко не всегда бывают действительно добровольными. Именно поэтому в приказе Генеральной прокуратуры России № 10 от 21.02.1995 "Об организации прокурорского надзора за расследованием и раскрытием преступлений" специально подчеркнуто: "При санкционировании арестов особое внимание обращать на заявления о явке с повинной. Перед дачей санкции на арест лично допрашивать обвиняемых (подозреваемых) по обстоятельствам подачи таких заявлений", строго реагируя на случаи, когда "с заявлением о явке с повинной было вынуждено обратиться лицо, фактически не причастное к преступлению".

Действующий уголовно-процессуальный закон, видимо, не зря не делает никаких исключений из правил применения мер процессуального принуждения в зависимости от восприятия конкретной меры как принудительной или, наоборот, полезной с точки зрения лица, в отношении которого она применяется. Даже если гражданин настаивает на проведении обыска в его доме – получение санкции прокурора на обыск является обязательным. Поэтому, как представляется, усилению обеспечения прав личности в современных условиях более отвечает использование для отнесения той или иной процессуальной меры к числу принудительных в качестве основного так называемого правоограничительного критерия. Исходя из него, если процессуальное действие объективно содержит ограничение прав граждан, его следует считать принудительным²².

В соответствии с данным подходом, если лицо подвергается мерам правоограничительного характера как будто бы добровольно, при отсутствии объективно существующих оснований для применения процессуального принуждения действия следователя вступают в противоречие с требованиями законности. Именно по такому пути идет международная правоприменительная практика. Позиция Европейского суда по правам человека такова: даже если человек сдается на милость властей и дает согласие на то, чтобы подвергнуться заключению под стражу, это лишение свободы может носить незаконный характер и противоречить ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, предусматривающей права каждого на свободу и личную неприкосновенность. "Лицо не может лишаться защиты Конвенции только на том основании, что оно добровольно предстало для лишения свободы"²³.

²² См. напр. Кудин Ф.М. Принуждение в уголовном судопроизводстве. – Красноярск, 1985. – С. 63; Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. – Казань, 1981. – С. 8; Лысиков О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. – М., 1981. – С. 81; Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. – Саратов, 1978. – С. 17 – 18.

²³ См.: Комментарий к "Европейской конвенции о защите прав человека". – Совет Европы, 1995. – С. 21.

В связи с необходимостью строгого соблюдения законности процессуального принуждения заслуживают особого внимания вопросы оснований применения мер принуждения. Производство по уголовному делу в стадии расследования, особенно на начальном его этапе, как отмечалось, осуществляется в условиях ограниченного количества информации о расследуемом преступлении, что, однако, не избавляет следователя от необходимости в целях раскрытия преступления действовать быстро и решительно. Указанные условия не исключают возникновения ситуаций, угрожающих проявлением произвола в отношении подозреваемого и обвиняемого. Поэтому необходимость надлежащего обеспечения их прав требует ясности и четкости в определении оснований применения процессуального принуждения.

Закон основания процессуального принуждения выражается в ряде случаев через понятие "достаточные основания". Так сформулировано описание оснований применения мер пресечения (ст. 97 УПК РФ), оснований следственного действия, наиболее ограничивающего права гражданина на неприкосновенность жилища – обыска (ст. 182 УПК РФ). По мнению Н.А. Егорова, подобная формулировка достаточно неопределенна, она не вполне раскрывает позицию законодателя, оставляет простор для различного понимания и толкования²⁴. Существенный вопрос: что же здесь конкретно подразумевается под основаниями – остается в известной сфере открытым. В юридической литературе он рассматривается далеко не однозначно.

Так или иначе связанные с принуждением следственные действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом действия следователя по отысканию, восприятию и закреплению доказательственной информации составляют основную часть процессуальной деятельности в стадии расследования. По мнению С.А. Шейфера, основания расследования следственных действий будут налицо тогда, когда следователь располагает достаточными данными о возможности извлечь искомую информацию из источников, признаваемых законом допустимыми. Что за "данные" подразумеваются, автор не раскрывает. Однако его рассуждения о необходимости нормативного ограничения субъективизма в принятии решений о проведении следственных действий в строго процессуально-правовом характере отношений между следователем и носителем информации в процессе собирания доказательств позволяют предположить, что под упомянутыми данными имеются в виду доказательства. Другие авторы прямо утверждают, что именно доказательства должны использоваться в качестве оснований для принятия решения о производстве следственного действия. Сведения, полученные непроцессуальным путем, доказательствами не являются и основанием для производства следственного действия не могут служить. В этих случаях следственное действие правомерно производить лишь при условии, если эти сведения будут предварительно проверены и подтверждены доказательствами, полученными в процессуальном порядке из источника, указанного в ст. 74 УПК РФ.

Но существует и другое понимание указания закона относительно "достаточных оснований", допускающее производство следственных действий, в частности обыска, при наличии доказательств, либо сведений, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности. Подобная позиция уже чревата возможностью произвольного ограничения права личности на неприкосновенность жилища.

²⁴ См.: Егоров Н.А. Собираание доказательств в уголовном процессе. – Саратов, 2003. – С. 14.

Нельзя исключить, что следователь, принимая во внимание возможность альтернативы в выборе основания для проведения обыска, выберет второй вариант (данные ОРД), как вследствие нехватки времени для получения более надежной – доказательственной информации, так и просто вследствие усталости, утраты чувства ответственности или в порядке вещей начнет отдавать ему предпочтение, выбирая путь наименьшего сопротивления.

Отход от толкования формулировки закона "достаточные основания" как сведений, имеющих доказательственное значение, приводит и к более далеко идущим выводам. Поляков Д.И. все процессуальные решения следователя, если в изложении их оснований прямо не упоминается слово "доказательства", относит к особой категории, "основания для которых закон не связывает с наличием доказательств". Тем самым, якобы, законодатель как бы благословляет принимать их на основе непроцессуальной, главным образом оперативно-розыскной информации²⁵. Поскольку процессуальные решения данной категории "в соответствии с законом не требуют достоверного знания", они принимаются "в условиях неопределенности, следовательно, фактор риска (возможность отрицательного результата) в них изначально присутствует".

Вместе с тем, уточняется далее, такие выводы еще не означают возможность принятия решения о производстве, например того же обыска, на основании оперативных данных в любых случаях. Если следственная ситуация не расценивается как случай, не терпящий отлагательства, мотивированность обыска у свидетелей и потерпевших, как правило, предполагает наличие доказательств нахождения у них орудий преступления или других имеющих значение для дела предметов. Но вот на подозреваемого и обвиняемого данное уточнение не распространяется. В силу их процессуального положения мотивированность обыска у них "определяется обоснованностью подозрений или обвинений в отношении конкретного лица. Предположение о возможном нахождении в жилище или ином помещении обвиняемого (подозреваемого) предметов и документов, имеющих значение для дела, обосновывается самим фактом совершения преступления подозреваемым (обвиняемым)".

Подобная позиция, надо согласиться, облегчает работу следователя хотя бы потому, что проблема установления оснований для получения санкции на обыск сама собой отпадает. Если в доме проживает обвиняемый или подозреваемый – санкцию на обыск жилища просто полагается дать. Это с точки зрения обеспечения прав личности, а с учетом назначения уголовного процесса в правовом государстве с подобной позицией в принципе согласиться нельзя. Если в законе при изложении оснований процессуального решения на действия прямо не говорится о доказательствах, это отнюдь не исключает того, что они имеются в виду как само собой разумеющееся. Исходным положением для признания необходимости наличия в основе любых процессуальных решений является то, что все познание по уголовному делу является уголовно-процессуальным познанием, доказыванием. Посредством такого понятия устанавливаются и обстоятельства, служащие основаниями процессуальных решений для обыска, выемки, задержания, заключения под стражу – "обстоятельства уголовно-процессуального характера"²⁶.

²⁵ См.: Поляков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. – Саратов, 2002. – С. 23.

²⁶ См. напр. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. – Свердловск, 1991. – С. 87; Корнуков В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. – С. 168.

На основании Закона "Об оперативно-розыскной деятельности" законодатель предусматривает использование результатов ОРД "в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств" (ст. 11)²⁷. Симптоматично, что законодатель отказался от предусмотренного ранее действовавшим аналогичным законом от 13.03.92 г. положения об использовании результатов ОРД "в качестве доказательств по уголовным делам после их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством" (ст. 10), более точно определив для данных ОРД свое место. Это означает, что указанные данные, имеющие большое значение как информация разведывательного и ориентирующего характера, могут и должны использоваться в доказывании для отыскания доказательств в качестве сведений об их наличии или их местонахождении. В том числе доказательств, способных служить основаниями принятия мер принудительного, правоограничительного характера в отношении личности.

В материалах уголовного дела обязательно должна иметься доказательственная информация, позволяющая судить об обоснованности решения о применении процессуального принуждения. Иначе невозможно, в случае необходимости, убедиться в законности применения к лицу конкретной принудительной меры или оспорить ее правомерность, как теперь становится возможным, перед судом.

Степень достоверности доказательственной информации в качестве основания процессуального решения следователя может быть различной – от высокой, при подведении итогов производства по делу, до относительно небольшой, как, например, при избрании отдельных мер пресечения в отношении обвиняемых и подозреваемых. Видимо, прежде всего этим объясняется использование законодателем относительно неопределенных формулировок для описания оснований разных процессуальных решений.

Но допустить возможность вообще обходиться без доказательственной информации в подобных случаях – значит заведомо допустить и возможность проявления произвола в отношении личности. Поэтому и в основе решений о применении мер пресечения, несмотря на их в основном превентивный характер, должны лежать доказательства²⁸.

Такой подход ни в коем случае не может расцениваться как заведомое недоверие к следователю. Наоборот, по общему правилу личность следователя должна восприниматься с позиций презумпции добропорядочности. Он – орган расследования, облеченный высоким доверием государства, выполняющий важнейшую миссию в уголовном процессе. Но именно поэтому он должен действовать не рискованно, а ответственно, имея смелость в случае необходимости решиться и на риск, но на риск оправданный и минимальный, рассматривая его как вынужденное и временное состояние, а не как заранее запрограммированную и санкционированную законом возможность наступления отрицательного результата принятого решения.

В целях обеспечения прав личности необходимо учитывать все возможные варианты поведения следователя, включая самые неже-

²⁷ См.: Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Российской Федерации № 144-ФЗ от 12.08.1995 (в ред. от 29.06.2004 № 58-ФЗ).

²⁸ См. напр. Петрухин А.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. ... – С. 83; Михайлов В.А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве. – М., 1996. – С. 25.

лательные, в том числе безответственность и недобросовестность или излишнее служебное рвение. Такое пока исключить нельзя. Как показывают результаты анализа проблем взаимоотношений населения и сотрудников органов внутренних дел, проведенного ВНИИ МВД России с использованием опроса в 23 регионах России 6000 представителей различных служб ОВД, 35 % сотрудникам доводилось идти в своей деятельности на нарушение законности.

Одной из основных причин такого положения сами корреспонденты назвали стремление обеспечить высокие показатели своей работы, среди которых, как известно, не последнюю роль играет раскрываемость преступлений²⁹. Поэтому уголовно-процессуальный закон и практика его применения должны предусматривать условия, достаточно надежно обеспечивающие права личности при проявлениях не только лучшего, но и худшего отношения к гражданину со стороны правоприменителя.

Характерной чертой существующего расследования, осложняющей обеспечение прав обвиняемого и подозреваемого, является также "явка" на их признание в установлении обстоятельств совершения преступления. До наших дней указанное явление дожило со времен средневековья, эпохи расцвета инквизиционного уголовного процесса, когда признанию обвиняемым своей вины придавалось решающее значение "царицы доказательств". В нормативных актах, регламентировавших процесс доказывания при Петре I, прямо указывалось, что собственное признание есть лучшее свидетельство всего света³⁰. Уже в период советской власти теоретическую базу под утверждение о повышенном значении признания обвиняемого по отдельным категориям уголовных дел подводил А.Я. Вышинский³¹.

Следует заметить, что уголовно-процессуальный закон не допускает никаких преимуществ одних доказательств перед другими. Нельзя забывать, что одно признание вины еще не доказывает совершения преступления данным лицом. Следовательно приходится сталкиваться с фактами самооговора. К тому же обвиняемые нередко изменяют показания. Но запрещенное законом особое отношение к показаниям обвиняемого и подозреваемого, увы, продолжает существовать в правоприменительной практике органов расследования. Именно поэтому при создании УПК РСФСР в нем, по настоянию М.С. Строговича, особо выделили, что признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств.

Совсем не зря указанные требования к использованию признания обвиняемого в доказывании полностью воспроизведены и в УПК РФ (ч. 2, ст. 77).

Повышенная склонность следователей в современном российском уголовном процессе к получению и преимущественному использованию в доказывании показаний лиц, подвергающихся уголовному преследованию, бросается в глаза не только нашим, но и зарубежным юристам³². А ведь ни обвиняемый, ни подозреваемый не обязаны давать показания. Видимо, для следственной практики не потеряли своего значения разъяснения М.А. Чельцова, что обви-

²⁹ См.: О состоянии правопорядка и эффективности деятельности органов внутренних дел. Аналитический обзор. – М., 2005.

³⁰ См.: Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII века. – М., 1961. – С. 588.

³¹ См.: Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М., 1950. – С. 264.

³² См.: Никандров В. Подсудимый заявил: ко мне применяли незаконные методы расследования // Рос. юстиция. – 1995. – № 8. – С. 28.

няемый является "источником доказательств и возможным объектом наказания"³³.

Реальное осуществление в практической деятельности следователя правовых норм, касающихся обеспечения прав личности, важно не менее чем их закрепление в законе. "Как бы хороши не были правила деятельности, – предупреждал А.Ф. Кони, – они могут потерять свою силу и значение в неопытных, грубых или недобросовестных руках"³⁴.

Стремление к получению признания от обвиняемого и подозреваемого побуждает органы расследования искать средства, стимулирующие дачу показаний. В качестве одного из таких средств, в частности, может использоваться заключение обвиняемого (подозреваемого) под стражу.

Воспрепятствовать этому призвана предусмотренная действующим уголовно-процессуальным законом возможность обжаловать незаконный и необоснованный арест в суде. Более существенной гарантией является введение предусмотренного ст. 22 Конституции России правила о допустимости ареста только по судебному решению, что если не исключает, то довольно затрудняет использование ареста в подобных целях. Представляется, что следственная практика должна быть готова к такому повороту и переориентироваться на более эффективное использование имеющихся возможностей раскрытия преступления в соответствии с законом.

Расчет на получение признания находит понимание среди криминалистов, вооружающих следователя против обвиняемого и подозреваемого различными "следственными хитростями" или психологическими ловушками". Методы "психологической ловушки" – когда, например, следователь косвенным путем формирует у обвиняемого или подозреваемого намерение, могущее разоблачить его, – находятся на грани провокации, если вообще не превращаются в таковую. Их следует признать недопустимыми с моральной точки зрения.

Нельзя подходить к обвиняемому (подозреваемому) как к врагу, которого надо переиграть и психологически подавить. Стремление получить признание во что бы то ни стало ведет к нарушению не только нравственных, но и правовых норм. "Убеждая обвиняемого при допросе, – правильно отмечает Н.А. Якубович, – что следствие, например, располагает данными, свидетельствующими о виновности, которых в действительности нет, следователь нарушает и свой профессиональный долг, и право обвиняемого на защиту, перекладывая на него обязанность доказывать свою невиновность. Это является прямым нарушением закона"³⁵.

Следователь, разумеется, не должен терять бдительности. Никто не требует от следователя преждевременно "раскрывать карты" перед обвиняемым или подозреваемым – у следователя могут быть свои планы, расчеты и аргументы в виде неизвестных обвиняемому (подозреваемому) данных, которые следователь не только вправе, но и должен уметь рационально использовать для опровержения показаний, не соответствующих действительности. Маневрирование информацией, находящейся в распоряжении следователя, вполне оправданно и законно. Недопустимыми следует признать методы, основанные на расчете завладения "тайной преступления", якобы заведомо принадлежащей обвиняемому (подозреваемому), на основе обмана или продавливания на неосторожно оброненных словах, за-

³³ См.: Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. – С. 105.

³⁴ См.: Кони А.Ф. Собр. соч. – М., 1967. – Т. 4. – С. 34 – 35.

³⁵ См.: Якубович Н.А. и др. Охрана конституционных прав личности на предварительном следствии. – М., 1989. – С. 31.

ранее хитро подтолкнув допрашиваемого к желаемым для следствия высказываниям.

Разработка подобных методов в сфере криминалистики в известной мере объясняется, видимо, тем, что иногда допускается вопреки презумпции невиновности вольное или невольное отождествление обвиняемых и подозреваемых с преступниками. Сторонник "психологических ловушек" О.Я. Баев, рассуждая о существовании уголовно-правового конфликта в форме уголовно-процессуальных правоотношений, называет его участников: следователь – обвиняемый³⁶. Тогда как уголовно-правовой конфликт возникает с момента преступления между лицом, его совершившим, и государством, а следователь имеет дело только с обвиняемым, вину которого еще предстоит доказать перед судом. При этом не исключается, что в положении обвиняемого в силу стечения обстоятельств может оказаться невиновный человек, в то время когда подлинный преступник разгуливает на свободе и, проникнувшись чувством безнаказанности, совершает еще более опасные преступления. Лариным А.М. верно замечено, что отождествление обвиняемого с преступником служит оправданию неразборчивости в подыскании средств "борьбы" следователя с обвиняемым, нарушению нравственных и правовых норм уголовного судопроизводства³⁷.

Термин "следственные хитрости" и тем более "психологические ловушки" вообще следует в настоящее время исключить из терминологии, применяемой для обозначения тактических средств (приемов, операций и т.д.) расследования преступлений. Слово "хитрый" в русском языке используется в различных смыслах – и как изобретательный, искусный в чем-нибудь, и как изворотливый, скрывающий свои истинные намерения, идущий непрямыми, обманными путями к достижению чего-нибудь. Многозначность понятия "хитрость" не может гарантировать, что оно не будет использоваться в следственной практике в последнем смысле, а именно для получения желаемых результатов допроса обманным путем³⁸.

Расследование в условиях действия приоритета прав и свобод человека и гражданина должно быть избавлено от подобных сомнительных с точки зрения современных требований закона тактических приемов, в прошлом заслуженно охарактеризованных М.С. Строговичем как "хитроумная форма обмана", в нравственном отношении еще более недопустимая, чем обычная откровенная ложь.

В последнее время усилился интерес к дополнительным способам извлечения из обвиняемых и подозреваемых информации о преступлении, необходимой для его раскрытия. Научная активность в указанном направлении связана, очевидно, с поисками средств адекватного реагирования на развитие неблагоприятных тенденций в состоянии и динамике преступности, ее новых проявлений, например, в форме дерзких заказных убийств. Отсюда – стремление ввести в теорию и практику расследования нестандартные, или нетрадиционные, необычные методы раскрытия преступлений.

Если не принимать во внимание, что обвиняемый (подозреваемый) рассматривается здесь в первую очередь как источник сведений о преступлении, возможность пополнения арсенала средств раскрытия преступлений следует лишь приветствовать. Только при одном непременном условии – если средства, дополнительно предлагаемые для использования по уголовному делу, не вступают в противоречие с нормами нравственности и закона, положениями Кон-

³⁶ См.: Юридический конфликт: сферы и механизм (Юридическая конфликтология). – М., 1994. – С. 133.

³⁷ См.: Ларин А.М. Работа следователя с доказательствами. – М., 1966. – С. 30.

³⁸ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. – 1976. – С. 749.

ституции России о высшей ценности человеческой личности и не усиливают опасность судебных ошибок. Однако как раз с этой точки зрения указанные средства выглядят не вполне безупречными³⁹.

Одно из таких средств – полиграф или детектор лжи, представляющий собой прибор для фиксации психофизиологических реакций человека на специально подобранные вопросы или тест. Несмотря на неоднократную критику в прошлом, в настоящее время ему уделяется повышенное внимание.

Возражения против идеи полиграфа как разоблачителя лжи в уголовном процессе достаточно серьезны. Во-первых, специфического комплекса психофизиологических реакций, адекватно соответствующих ложности показаний, не существует. Во-вторых, психофизиологическое тестирование на полиграфе суть средство подавления свободной воли допрашиваемого, превращение его из субъекта уголовного процесса в объект⁴⁰. По оценкам английских ученых, сделанным на основе большой серии экспериментальных исследований, вероятность ошибочной оценки личности и ее показаний при полиграфическом тестировании составляет около 50 %.

Видимо, отдавая себе отчет в невозможности при таких показателях прямо использовать полиграф в доказывании, его сторонники предлагают применять аппарат в расследовании преступлений с целью получения не доказательственной, а ориентирующей, вспомогательной информации и для нужд оперативных служб⁴¹. На первый взгляд в подобных рекомендациях ничего предосудительного нет, тем более что использование полиграфа признается допустимым исключительно с согласия испытуемых и предлагается в основном в их же интересах – чтобы рассеять возникшие подозрения. При этом обоснованно отмечается, что в случае принудительного обследования на полиграфе происходит явное психическое насилие над личностью, законом и моралью запрещенное.

По мнению некоторых авторов, при более пристальном рассмотрении приемлемость рекомендаций по использованию полиграфа в уголовном процессе вызывает серьезные сомнения.

Во-первых, сразу можно с уверенностью сказать, что полиграф в основном будет использоваться не в интересах подвергаемых уголовному преследованию, а в интересах раскрытия преступлений. Практика использования полиграфа в США достаточно красноречиво об этом свидетельствует.

Во-вторых, добровольность согласия на обследование посредством полиграфа очень легко может оказаться псевдобровольностью. Факт отказа пройти обследование может расцениваться – как улика поведения, подталкивая к решению согласиться на испытание. К тому же склонять к согласию при производстве расследования у нас умеют. Достаточно вспомнить неистребимые пресловутые "явки с повинной", составляемые под диктовку ведущих расследование лиц гражданами в положении обвиняемых и подозреваемых.

В-третьих, легализация полиграфа в качестве средства раскрытия преступления может повлечь за собой использование на практике результатов полиграфического исследования как доказательств. Проводимые исследования выявляют вполне очевидную предрасположенность к этому. Опрос 246 следователей из различных регионов России показал, что 27 % из них предлагают считать результаты

³⁹ См.: Печников Н.П. Выбор тактических приемов и соблюдение прав участников при производстве отдельных следственных действий // Информационный бюллетень. – Тамбов: Тамбовский филиал юридического ин-та МВД России, 1999. – Вып. 1. – С. 13 – 14.

⁴⁰ См.: Закатов А.А. К вопросу о применении полиграфа в расследовании преступлений // Права человека и правоохранительная деятельность. – Волгоград, 1995. – С. 140.

⁴¹ См.: Детектор лжи не ошибается // Рос. газета. – 1995. – 15 сент.

применения полиграфа косвенными доказательствами по уголовному делу, а 6 % – прямыми⁴².

Поэтому использование полиграфа в уголовном процессе, в частности при расследовании, с учетом современных требований обеспечения прав личности представляется неприемлемым. Применение полиграфа в области оперативно-розыскной деятельности – отдельный вопрос, не являющийся предметом рассмотрения в настоящей работе.

Ряд лет назад Ф.В. Глазыриным высказано мнение о необходимости разработки, наряду с процессуальными, криминалистических гарантий прав обвиняемого, которые охватывали бы не только технику, тактику и методику, но и организационные основы расследования⁴³. Жаль, что ценная идея не получила достойного развития. Остается надеяться, что наука криминалистика вернется к ней в современных условиях приоритета прав и свобод личности.

В юридической литературе в связи с научно-техническим прогрессом и проникновением его в различных формах в уголовный процесс высказано также следующее верное суждение: "Исключительность положения личности в уголовном судопроизводстве заслуживает того, чтобы требование соблюдения ее прав и интересов при использовании достижений научно-технического прогресса было прямо закреплено в законе"⁴⁴. Видимо, настало время реализовать данное предложение, определив в законе критерии допустимости использования технических средств раскрытия и расследования преступлений, затрагивающих права личности.

С допуском защитника к участию в уголовном деле до первого допроса с момента задержания либо ареста подозреваемого или привлечения лица в качестве обвиняемого появилась существенная гарантия от неправомерного воздействия на них с целью получения признания в совершении преступления. Однако важно обеспечить ее эффективность⁴⁵. Для этого, прежде всего, необходимо, чтобы право иметь защитника было своевременно и доходчиво разъяснено подозреваемому или обвиняемому. А если они изъявили желание воспользоваться указанным правом, то имели бы полную возможность его беспрепятственной реализации, что на практике пока получается не всегда. Важно также, чтобы участие защитника в допросе, в случае согласия их подзащитных дать показания, осуществлялось активно и служило использованию показаний, прежде всего, в качестве средства защиты.

1.2 СУЩНОСТЬ И ЗАДАЧИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Исходя из содержания правовых норм, регулирующих данное самостоятельное направление прокурорской деятельности, следует

⁴² См.: Ветров А.М. Нетрадиционные методы раскрытия преступлений // Государство и право. – 1995. – № 9. – С. 60 – 62; Он же. Полиграф и права личности в уголовном процессе // Сов. государство и право. – 1998. – № 6. – С. 99 – 103.

⁴³ См.: Глазырин Ф.В.. Криминалистические гарантии прав и интересов обвиняемого на предварительном следствии // Укрепление законности в деятельности следователей в свете Конституции СССР. – М., 1979. – С. 77 – 78.

⁴⁴ См.: Панюшкин П.Б. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство. – Воронеж, 2003. – С. 307.

⁴⁵ См.: О размере оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда: Постановление Правительство Российской Федерации № 400 от 04.06.2003.

иметь в виду, что эта деятельность органов прокуратуры направлена на соблюдение прав и свобод человека и гражданина в условиях причастности их к производству по уголовным делам на всех досудебных стадиях, в том числе при осуществлении ОРД, рассмотрении и разрешении заявлений и сообщений о преступлениях. Однако, при осуществлении надзора за соблюдением законов при производстве дознания и предварительного следствия решается задача не только реального обеспечения соблюдения конституционных прав и свобод граждан, но и защиты интересов общества и государства в части исполнения требования закона о том, чтобы ни одно лицо, совершившее преступление, не избежало установленной законом ответственности⁴⁶. При этом достижение названных задач органами прокуратуры обеспечивается в их неразрывном единстве. Таким образом, организационная деятельность органов прокуратуры, направленная на соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а также исполнение законов о борьбе с преступностью по таким направлениям, как своевременное и объективное разрешение заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, проведение дознания и расследования преступлений – представляет собой основное содержание прокурорского надзора и отражает сущность этого вида деятельности прокуратуры. Поэтому, первым признаком, раскрывающим сущность данного вида прокурорской деятельности, является реальное обеспечение формами и средствами прокурорского надзора соблюдения органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, прав и законных интересов граждан на личную свободу, тайну переписки, телефонных переговоров, неприкосновенность жилища, свободу передвижения и других прав, ограничение которых допускается только по основаниям и с соблюдением процедур, предусмотренных Конституцией РФ, имеющей прямое действие, уголовно-процессуальным и другим законодательством.

По мнению Н.П. Печникова, в практическом плане деятельность органов прокуратуры при обеспечении обозначенных функций является правозащитной, направлена на недопущение в отношении подозреваемого и обвиняемого в практике работы правоохранительных органов проведения незаконного возбуждения уголовного преследования, необоснованных задержаний и арестов, обысков и иных, незаконных оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных действий, ущемляющих политические, личные, имущественные, социально-экономические права и свободы граждан⁴⁷.

Вторым по значимости не менее важным признаком, характеризующим сущность изучаемой отрасли прокурорского надзора за исполнением законов в деятельности органов, осуществляющих дознание и предварительное следствие, является обеспечение точного и безусловного исполнения указанными органами законов по принятию мер предупреждения и пресечения совершенных и готовящихся преступлений, выявлению и привлечению к ответственности лиц, виновных в совершении преступных посягательств.

В основе данного признака, определяющего сущность надзора за деятельностью правоохранительных органов, обеспечивающих борьбу с преступностью, лежит основополагающий принцип уголовного судопроизводства – обеспечение быстрого и полного рас-

⁴⁶ См.: Об организации прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием: Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 31 от 18.06.1997 (с изм., внесенными Приказом Генпрокуратуры РФ № 39 от 05.07.2002).

⁴⁷ См.: Печников Н.П. Правоохранительные органы Российской Федерации: Учеб.-метод. пособие. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. – 108 с.

крытия преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона, с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невинный не был привлечен к уголовной ответственности.

Следует заметить, что прокурорский надзор за исполнением уголовно-процессуального законодательства органами дознания и следствия является властно-распорядительным, так как вмешательство прокурора в деятельность правоохранительных органов, обеспечивающих борьбу с преступностью, имеет все признаки фактического управления, с наличием властных полномочий по отношению к правоохранительным органам и их должностным лицам; обеспечивающим оперативно-розыскные мероприятия, рассмотрение и разрешение материалов и дел о совершенных и готовящихся преступлениях.

Третьим характерным признаком, раскрывающим сущность надзора данного направления прокурорской деятельности, является обеспечение органами прокуратуры процессуального руководства проведением дознания и расследования конкретных уголовных дел, а также собственного расследования преступлений, отнесенных уголовно-процессуальным законодательством к их компетенции, и права принятия к производству органов прокуратуры для расследования любого уголовного дела.

Как следует из Закона "О прокуратуре РФ" (ст. 30), бланкетная норма которого отсылает нас к полномочиям прокурора, определенным УПК РФ, прокурор осуществляет процессуальное руководство расследованием преступлений⁴⁸. Для этого он наделен такими правовыми средствами руководства, как правом дачи письменного указания о расследовании преступлений; об избрании, изменении или отмене меры пресечения; о квалификации преступления; производстве отдельных следственных действий и розыске лиц, совершивших преступления. Прокурор наделен целым рядом других средств, посредством которых определяются направленность, тактика, техника и методика расследования. Более подробно эти вопросы будут нами рассмотрены при изучении основных положений, раскрывающих полномочия прокурора в данной отрасли прокурорского надзора. Здесь же необходимо напомнить, что Генеральному прокурору РФ принадлежит право не только процессуального руководства расследованием конкретных уголовных дел, но и право функционального управления по вопросам предварительного следствия и дознания, которые не требуют законодательного регулирования.

Расследование органами прокуратуры уголовных дел – это неотъемлемая часть прокурорской деятельности. Одним из способов реализации его является расследование преступлений, проводимое следователями органов прокуратуры согласно подследственности дел. Другой формой осуществления расследования уголовных дел органами прокуратуры является расследование любого преступления прокурором или по его поручению подчиненным ему следователем. Данные формы прокурорской деятельности направлены на логическое завершение полномочий прокурора, позволяющих ему реально обеспечить объективность, всесторонность и полноту расследования и привлечение виновных лиц к законной ответственности. Следует иметь в виду, что при расследовании уголовного дела лично прокурором надзор за законностью расследования осуществляет вышестоящий прокурор.

Подводя краткий итог изложенному выше, можно сделать вывод о том, что сущность надзора за исполнением законов органами,

⁴⁸ См.: О прокуратуре Российской Федерации: Закон Российской Федерации № 2202-1 от 17.01.1992 (в ред. от 18.07.2003).

осуществляющими дознание и предварительное следствие, заключается в обеспечении органами прокуратуры РФ надзора за безусловным соблюдением прав подозреваемого и обвиняемого правоохранительными органами при реализации ими своих полномочий по предупреждению и пресечению преступлений; эффективном решении ими задач быстрого, всестороннего и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных в этом лиц; осуществлении процессуального руководства расследованием уголовных дел независимо от их ведомственной подследственности, а также в расследовании наиболее опасных преступлений следователями и прокурорами органов прокуратуры РФ.

Классифицируя задачи отрасли надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, в зависимости от значимости и функциональной направленности их можно разделить на базовые, вытекающие из установленных Федеральными законами обязательных направлений надзорной деятельности, и конкретно-функциональные, вытекающие из конкретного исторического периода и роли органов прокуратуры в борьбе с преступностью на этом этапе, определяемые Генеральным прокурором РФ в его приказах и указаниях.

Первую группу задач, на наш взгляд, следует определять следующим образом. Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры, осуществляя надзор в данной отрасли, должны добиваться:

1) безусловного соблюдения прав подозреваемого и обвиняемого в досудебной стадии уголовного судопроизводства, в том числе точного исполнения закона, устанавливающего порядок разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях⁴⁹;

2) безусловного исполнения требования закона, что бы ни одно преступление не осталось не раскрытым, и ни одно лицо, совершившее преступление, не избежало установленной законом ответственности;

3) безусловного и точного соблюдения установленного законом порядка возбуждения и расследования уголовных дел, сроков их расследования, прав участников уголовного судопроизводства и всех граждан, вовлеченных в этот процесс;

4) безусловного соблюдения требований закона о всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела, выявлении как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также отягчающих и смягчающих его ответственность обстоятельств;

5) соблюдения требований закона о выявлении причин совершения преступления и способствующих этому условий и принятии мер к их устранению;

6) обеспечения законности и обоснованности задержания граждан по подозрению в совершении преступления и производства этих действий только в порядке и по основаниям, установленным уголовно-процессуальным законодательством;

7) обеспечения законного и обоснованного привлечения к уголовной ответственности или иного ограничения в правах;

8) обеспечения меры пресечения в отношении подозреваемых или обвиняемых в порядке и по основаниям, указанным УПК РФ, а

⁴⁹ См.: Об усилении прокурорского надзора за соблюдением законности при разрешении заявлений, сообщений и иной информации о совершенных и подготавливаемых преступлениях: Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 3 от 10.01.1999 (с изм. от 05.07.2002).

применения ареста только на основании судебного акта или с санкции прокурора.

Указанные базовые задачи, стоящие перед прокурорами на любом временном этапе деятельности прокуратуры, добавляются требованиями Генерального прокурора РФ, вытекающими из его полномочий дачи общеобязательных указаний по вопросам следствия и дознания⁵⁰. На современном этапе к этим задачам следует относить:

1) соблюдение прав и законных интересов граждан, особенно жертв преступлений (потерпевших);

2) принятие прокурорами личного участия в выездах на места происшествий по делам о бандитских налетах, террористических актах, массовых беспорядках, убийствах при отягчающих обстоятельствах, а также совершенных в условиях неочевидности;

3) осуществление надзора за законностью ОРД с тем, чтобы оперативно-розыскные мероприятия были направлены прежде всего на предупреждение, а затем уже на своевременное выявление, пресечение и раскрытие преступлений, добиваясь активности их проведения в ходе всего следствия с использованием результатов ОРД в качестве доказательств в соответствии с УПК РФ;

4) необходимость проверки законности разрешения заявлений и сообщений о совершенных преступлениях не реже одного раза в месяц;

5) необходимость тщательной проверки обоснованности применения мер процессуального принуждения, обысков, соблюдения принципа презумпции невиновности, реального обеспечения прав на защиту, неприкосновенность жилища;

6) решительное пресечение применения незаконных методов ведения следствия и дознания, обвинительного уклона при сборе доказательств;

7) проведение проверок законности содержания лиц в изоляторах временного содержания не реже одного раза в 10 дней, осуществление этих проверок во внерабочее время;

8) недопущение использования задержания и ареста как средства получения от подозреваемого или обвиняемого признания вины в совершении преступления;

9) строгий контроль за недопустимостью использования доказательств, полученных с нарушением установленного законодательством порядка;

10) недопущение формального подхода к решению вопроса об освобождении лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности. При этом следует выяснить, доказан ли факт совершения преступления данным лицом, имеется ли реальная возможность применить закон, реализующий возможность освобождения лица от уголовной ответственности. Если эти условия не соблюдены, согласие прокурора на отказ в возбуждении уголовного дела или прекращение дела по указанным основаниям является неправомерным;

11) проведение проверок законности прекращения уголовных дел и приостановления расследования не позднее одного месяца со дня вынесения соответствующего постановления.

2 ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

⁵⁰ См.: Об организации исполнения Федерального закона "О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" и переходе органов прокуратуры к работе в новых условиях уголовного судопроизводства: Приказ Генпрокуратуры Российской Федерации № 7 от 20.02.2002.

2.1 ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В соответствии и на основании ст. 46 УПК РФ подозреваемый принимает участие в уголовно-процессуальной деятельности только в стадии расследования уголовного дела (дознания и предварительного следствия). Особенность его правового положения заключается в том, что свои права и обязанности в уголовном деле он приобретает не по постановлению органа расследования (как это характерно для некоторых участников процесса – обвиняемого, потерпевшего), а вследствие обусловленных подозрением решений о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, задержании или применении меры пресечения.

Наличие данных о причастности лица к преступлению само по себе еще не является достаточным для того, чтобы считать его подозреваемым по делу в уголовно-процессуальном смысле слова. Подозрение должно быть формализовано в решениях, перечисленных в ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Иные решения и действия (предъявление подозреваемого лица для опознания, производство у него обыска, разъяснение допрашиваемому лицу права не свидетельствовать против себя самого и др.), исходя из смысла указанной нормы, не влекут автоматически признание лица подозреваемым. Они не указывают однозначно и безусловно на наличие подозрения в отношении лица, которого касаются. При необходимости участия таких лиц в следственных действиях должны применяться правила, касающиеся свидетелей по уголовному делу.

Основания для признания лица подозреваемым по уголовному делу – это фактические данные, которые, с одной стороны, указывают на него как на лицо, совершившее преступление, а с другой – составляют основание для возбуждения уголовного дела либо свидетельствуют о возможности уклонения такого лица от расследования, позволяют предположить его попытки воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу или продолжить преступную деятельность.

Следует заметить, что формальные обстоятельства, обуславливающие признание лица подозреваемым, задержание или применение к такому лицу меры пресечения, рассматриваются законом как исключительные. Это предполагает соблюдение дополнительных условий по сравнению с требованиями, которые предъявляются к применению меры пресечения к обвиняемому.

Исключительность задержания подозреваемого выражается в том, что оно может быть осуществлено только при наличии формально определенных ст. 91 УПК РФ ситуаций. По своему характеру сведения, положенные в основу возбуждения уголовного дела, задержания или применения меры пресечения к подозреваемому, обычно достаточны только для предположительного вывода о преступлении и о лице, его совершившем.

Закон не требует, чтобы решения, влекущие признание лица подозреваемым, основывались исключительно на доказательствах. Это обусловлено тем, что с позиции доказательственного права знание о подозреваемом как о лице, совершившем преступление, является предположительным.

Вместе с тем подобное положение вещей делает в принципе возможным приобретение статуса подозреваемого невиновным человеком. Поэтому законодатель предусмотрел определенные гарантии. Так, помимо права на защиту закон предусмотрел обязанность обвинения допросить его не позднее 24 часов с момента задержания.

Кроме того, показания, данные им без защитника, признаются недопустимыми доказательствами в "упрощенном" порядке.

На основании ч. 2 ст. 75 УПК РФ законодателем специально оговорены случаи признания доказательства недопустимым. В частности, в качестве недопустимых доказательств названы показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника (включая случаи отказа от защитника) и не подтвержденные им в суде.

В данных случаях при оценке доказательств необходимо установить допущенное нарушение, его формы (например, отсутствие защитника) и содержание (например, неподтвержденные показания, полученные в стадии досудебного производства). Следует отметить, что недопустимыми являются только те показания, которые не соответствуют показаниям, данным в стадии расследования, и только при условии, когда подозреваемый, обвиняемый отказался от защитника либо был допрошен в его отсутствие, то есть с нарушением права на защиту.

Закон не устанавливает каких-либо сроков нахождения лица в положении подозреваемого. Лицо будет считаться подозреваемым до тех пор, пока в отношении его не будет вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого или о прекращении уголовного преследования.

Подозреваемые в совершении преступлений считаются невиновными, пока их виновность не будет доказана в установленном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 6 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений")⁵¹. В связи с этим подозреваемые наделяются совокупностью прав, используя которые они получают возможность отстаивать признаваемые за ними уголовно-процессуальные интересы. Последние связаны прежде всего с защитой от объявленного подозрения, с его опровержением.

Сущность, направленность процессуальных прав подозреваемого в целом едина – это защита от уголовного преследования. Однако защита со стороны подозреваемого имеет ряд особенностей. Прежде всего это обусловлено спецификой подозрения по сравнению с обвинением. Если обвинение согласно закону должно быть четко сформулировано в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого (с указанием времени, места и других существенных обстоятельств совершения преступления), то в отношении подозрения такого требования не существует. Как правило, решения о возбуждении уголовного дела, задержании или применении меры пресечения к подозреваемому применяются органами расследования в условиях, когда далеко не все данные о преступлении и предполагаемом преступнике выяснены с достаточной полнотой. Поэтому подозрение нередко не может быть столь же конкретно выражено в процессуальных документах, как обвинение.

Право подозреваемого на защиту включает всю совокупность его процессуальных прав. В ст. 46 УПК РФ законодатель постарался отразить важнейшие права подозреваемого, которые в первую очередь определяют правовое положение данного субъекта⁵².

⁵¹ См.: О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон № 103-ФЗ от 15.07.1995 (в ред. от 29.06.2004 № 58-ФЗ).

⁵² Печников Н.П. Правовое регулирование и защита прав личности // Материалы науч.-практ. конф. курсантов, студентов и молодых ученых

Правовой статус подозреваемого составляют также и иные права, предусмотренные предписаниями о производстве ряда следственных действий и применении мер уголовно-процессуального принуждения, доказательствах и доказывании, об обязанностях органов расследования, полномочиях защитника. Так, право подозреваемого знать, в чем он подозревается, обеспечивается обязанностью лица, производящего расследование, ознакомить его с протоколом задержания или постановлением о применении меры пресечения, а также разъяснить сущность подозрения при допросе.

Осведомленность подозреваемого о доказательствах и иных материалах следственного производства ограничена. Подозреваемый вправе знакомиться прежде всего с теми доказательствами, которые получены с его участием и отражены в протоколах следственных действий, произведенных с его участием. Кроме того, при проверке судом законности и обоснованности содержания подозреваемого под стражей он имеет право ознакомиться с материалами, которые органы расследования сочли возможным представить для обоснования своей позиции.

Дача объяснений подозреваемым в ходе задержания или применения меры пресечения, а также во время допроса и других следственных действий, проводимых с его участием, позволяет выразить свою позицию и по делу в целом, и к использованным в отношении его мерам уголовно-процессуального принуждения, а также отдельным доказательствам. Юридическое значение объяснений подозреваемого заключается в том, что следователь (дознатель) обязан проверить их, учесть при производстве расследования.

Объяснения, будучи рассуждениями, умозаключениями подозреваемого, не являются доказательствами в прямом значении этого понятия. В практической деятельности их следует отличать от показаний подозреваемого (ст. 76 УПК РФ), которые представляют собой устные сообщения об обстоятельствах дела, полученные на допросе⁵³.

В части 4 ст. 46 УПК РФ провозглашены права подозреваемого, но не все они корреспондируют соответствующие обязанности следователя. В частности, п. 9 представляет скорее не право, а законный интерес подозреваемого. Ведь участвовать в следственных действиях, производимых по его ходатайству, подозреваемый может лишь с разрешения лица, осуществляющего расследование.

Показания подозреваемого

Подозреваемым может быть лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, которое задержано в связи с тем, что оно застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление; когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления; если оно пыталось скрыться и др.

Все это обуславливает необходимость допроса такого лица об

вузов г. Тамбова. – Тамбов: Изд-во Тамбовского филиала Московского университета МВД России, 2003. – С. 112 – 113.

⁵³ Печников Н.П. Механизм правового регулирования как одно из средств противодействия преступности и вопросы его совершенствования // Материалы науч.-практ. конф. курсантов, студентов и молодых ученых вузов г. Тамбова / Под общ. ред. Н.Н. Грачева, М.А. Желудкова, Е.Е. Шишова; Тамбовский филиал Московского ун-та МВД России. – Тамбов, 2004. – С. 114 – 117.

обстоятельствах, которые послужили причиной для возникновения предположения о его причастности к преступлению, явились основанием для возбуждения в отношении его уголовного дела (ст. 76 УПК РФ). Он может пояснить факт его нахождения на месте совершения преступления, возникновение на нем, его одежде, при нем или в его жилище следов преступления, причины его попытки скрыться, а также рассказать все иные известные ему обстоятельства, имеющие значение для дела.

Основная цель допроса подозреваемого – проверить возникшее в отношении его подозрение в совершении преступления и получить данные о наличии или отсутствии оснований для последующего решения вопроса о возможности привлечения этого лица в качестве обвиняемого.

Предметом показаний подозреваемого могут быть любые обстоятельства, входящие в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ), а также и иные обстоятельства, имеющие отношение к рассматриваемому событию (взаимоотношения с другими участниками процесса, свидетелями, характеристики тех или иных лиц и т.п.).

Следует обратить внимание, что показания подозреваемого должны способствовать выяснению того, правильно ли возникшее подозрение, восполнять пробелы в доказательственном материале, помогать решению вопроса о наличии или отсутствии оснований для предъявления обвинения. Иными словами, содержание показаний подозреваемого связано прежде всего с имеющимся против него подозрением.

Как показывает следственная практика, из показаний подозреваемого могут быть получены сведения о его взаимоотношениях с потерпевшим, мотивации его преступного поведения, получены сведения о его алиби, объяснения о существе действий, выяснено его эмоциональное состояние, получены иные юридически значимые данные.

В числе источников доказательств закон выделил как самостоятельный вид показания подозреваемого – в связи с необходимостью всестороннего учета специфики процессуального положения данного участника уголовного судопроизводства (ст. 46 УПК РФ). Практиковавшийся ранее допрос подозреваемого в качестве свидетеля существенно ограничивал его возможности по осуществлению права на защиту.

Показания подозреваемого являются не только источником сведений о фактах, но и средством отстаивания своих интересов. Подозреваемый не обязан, а вправе давать показания, он не несет ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Конституция РФ (ст. 51) освобождает подозреваемого от обязанности свидетельствовать против самого себя.

Его показания могут рассматриваться как средство защиты его интересов, а также как источник сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Показания подозреваемого сохраняют свое доказательственное значение на протяжении всего производства по делу, в том числе и в случаях, когда по своему содержанию они отличаются от показаний, данных этим лицом при его допросе как обвиняемого. Показания подозреваемого сохраняют свое значение по делу и после того, как лицо будет допрошено в качестве обвиняемого или свидетеля.

Доказательственное значение показания подозреваемого приобретает тогда, когда они получены правомочным производителем допроса лицом (дознавателем, следователем, прокурором) с соблюдением определенного порядка проведения допроса и оформления его

результатов, предусмотренных ст. 187 – 191 УПК РФ. Подозреваемый может дать показания не только в ходе допроса, но и при очной ставке (ст. 192 УПК), проверке показаний на месте (ст. 194 УПК) и т.д.

2.2 ОБВИНЯЕМЫЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Фигура обвиняемого в уголовном процессе появляется с момента вынесения постановления о привлечении конкретного лица в качестве обвиняемого либо с момента составления в отношении его обвинительного акта. Понятие "обвинительный акт" дается законодателем впервые. Вынесение соответствующего постановления или акта есть юридический факт, влекущий возникновение правоотношений с участием нового субъекта – обвиняемого. У него появляется комплекс прав, дающих ему возможность выражать и отстаивать в уголовном процессе свой интерес. Одновременно у него появляются и обязанности. В свою очередь, обязанности по отношению к обвиняемому возникают и у государственных органов и должностных лиц, которые по закону должны обеспечивать обвиняемому возможность реализации его прав и в случае необходимости оказывать в этом содействие.

Постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого должно быть вынесено в установленном законом порядке. Это означает, что для его вынесения необходимо наличие фактического и юридического оснований. Оно выносится тогда, когда собранные и проверенные в установленном законом порядке доказательства (их совокупность) укажут на то, что именно этим лицом было совершено деяние, содержащее признаки состава преступления.

Следователь самостоятельно решает вопрос о привлечении лица в качестве обвиняемого: как о моменте вынесения соответствующего постановления, так и об объеме обвинения. Это решение он принимает, давая оценку доказательствам по внутреннему убеждению.

"Обвиняемый" – понятие родовое. По отношению к нему термины "подсудимый" и "осужденный" являются видовыми понятиями. Следовательно, подсудимый и осужденный пользуются всеми правами обвиняемого с поправкой на соответствующую стадию процесса.

Комплекс прав, которыми обладает обвиняемый, очень широк. Законодатель в ст. 47 УПК РФ постарался перечислить все его основные права. При анализе правового положения обвиняемого следует учитывать также ряд положений Конституции, некоторых международно-правовых актов о правах человека. Так, в соответствии со ст. 47 Конституции обвиняемый имеет право на рассмотрение его дела тем судом, к подсудности которого оно отнесено законом, и т.п. (ст. 20, 50 Конституции). Обвиняемый имеет право быть судимым без неоправданной задержки (ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Обвиняемый может защищаться от обвинения всеми законными средствами. Важнейшее средство – использование предоставленных законом прав. Что касается других средств и способов, то это – все иное, кроме запрещенных законом действий, за совершение которых могут быть применены те или иные меры ответственности. Например, обвиняемый может "защищаться" от обвинения пассивно, то есть отказываться от дачи показаний, не заявлять ходатайств, отказаться от активных действий по реализации своих прав, но он не может не подчиняться законным распоряжениям следователя, иначе к нему будут применены меры принуждения. Обвиняемый может не

оказывать содействия следствию в поисках доказательств, в том числе свидетельствующих о своей невинности (в силу презумпции невинности). Обвиняемый в целях защиты не может фальсифицировать доказательства, оказывать давление на свидетелей, потерпевших путем насилия, угроз. Такие действия влекут административную и уголовную ответственность.

Право обвиняемого на защиту является важнейшей гарантией, обеспечивающей действие презумпции невинности. Оно имеет важное значение и тогда, когда обвиняемый признает себя виновным, раскаялся в совершении преступления и готов сотрудничать с правосудием.

Обвиняемый не обязан доказывать свою невинность, но он вправе это делать, причем используя все имеющиеся в его распоряжении законные средства. Любое нарушение прав обвиняемого на защиту считается в судебной практике существенным нарушением закона, поскольку речь идет о нарушении принципа уголовного процесса.

Для того чтобы реализовать свое право на защиту, обвиняемый должен знать, в чем он обвиняется, и иметь возможность давать объяснения по предъявленному обвинению.

Следует заметить, что право предоставлять доказательства означает, что обвиняемый может предоставить в распоряжение следователя имеющуюся у него информацию, а также предметы и документы, имеющие значение для дела. Но это так же значит, что обязательному рассмотрению подлежат ходатайства обвиняемого и его представителей об оказании помощи в получении доказательств.

Обвиняемый реализует свое право на защиту как лично, так и через защитника (ст. 49 – 53 УПК РФ). Обвиняемый, содержащийся под стражей, не должен быть ограничен в возможности общаться с защитником, поэтому закон гарантирует такому обвиняемому право свиданий с защитником. Количество свиданий и их продолжительность не могут быть ограничены. Для обеспечения прав обвиняемого важно, чтобы эти свидания происходили конфиденциально (ст. 18 Федерального закона "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений")⁵⁴. Присутствие сотрудников правоохранительных органов на таких свиданиях не допускается. Согласно указанному Закону свидания с защитником могут проходить в условиях, когда сотрудники правоохранительных органов могут видеть, но не слышать обвиняемого и его защитника.

Право обвиняемого, содержащегося под стражей, на свидания с родственниками и иными лицами реализуется под контролем сотрудников правоохранительных органов. Свидания могут иметь место только с письменного разрешения лица или органа, в производстве которых находится дело. Закон ограничивает число и продолжительность таких свиданий: не более двух свиданий в месяц продолжительностью до 3 часов каждое.

По делам частного обвинения, возбуждаемым не иначе как по жалобе потерпевшего, обвиняемый (подсудимый) появляется в уголовном деле с момента принятия мировым судьей жалобы к своему производству, о чем выносится соответствующее постановление. Обвиняемым становится лицо, в отношении которого подана жалоба. С этого момента он пользуется всеми правами обвиняемого (подсудимого), предусмотренными УПК.

⁵⁴ См.: О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон № 103-ФЗ от 15.07.1995 (в ред. от 29.06.2004 № 58-ФЗ).

Показания обвиняемого

Обвиняемым признается лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого или обвинительный акт. Обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, именуется подсудимым (ст. 47 УПК).

Допросу обвиняемого в стадии досудебного производства предшествует предъявление обвинения. Исходя из этого показания обвиняемого прежде всего касаются сущности предъявленного ему обвинения.

В соответствии и на основании ст. 77 УПК РФ обвиняемый вправе давать показания о любых обстоятельствах, которые, по его мнению, имеют значение для дела, для осуществления защиты своих прав. В частности, он может предоставить дополнительные сведения о смягчающих обстоятельствах, о других известных ему преступлениях и т.п. В его показаниях могут быть сведения о других обвиняемых, потерпевших, свидетелях, взаимоотношениях с ними.

Сведения, имеющие значение для дела, обвиняемый может сообщать в ходатайствах, заявлениях, показаниях в ходе досудебного производства и при рассмотрении дела в суде, однако доказательственного значения они не имеют, так как выражают лишь позицию при осуществлении защиты.

Следует обратить внимание, что показания обвиняемого имеют как бы двойственную процессуальную природу: с одной стороны, это сведения о фактах, обстоятельствах, а с другой – средство защиты своих интересов, и поэтому могут содержать, кроме фактических данных, также мнения, предположения. Последние не имеют доказательственного значения, но могут быть предметом рассмотрения в качестве "сигнальной" информации, служить основанием для версий о наличии обстоятельств, опровергающих обвинение или смягчающих ответственность.

Поскольку показания обвиняемого исходят от лица, особо заинтересованного в исходе дела, их правдивость может вызывать сомнение. Достоверность показаний обвиняемого может быть установлена лишь в результате их оценки в совокупности с другими доказательствами. Он не несет ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Отказ обвиняемого от дачи показаний не может служить доказательством виновности.

Дача показаний – право, а не обязанность обвиняемого. Если обвиняемый отказался от дачи показаний, то повторный его допрос по тому же обвинению может проводиться только по просьбе самого обвиняемого (ч. 4 ст. 173 УПК РФ).

Конституционное положение (ст. 51) о том, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, применительно к обвиняемому означает, что признание им своей вины будет иметь юридическую силу, если в протоколе допроса будет зафиксирован факт разъяснения ему данного положения Конституции РФ.

Показания обвиняемого принято классифицировать в зависимости от того, признает он свою вину или отрицает, а также различать в них показания о действиях самого обвиняемого и показания о других лицах.

Показания обвиняемого, подтверждающие правильность предъявленного ему обвинения, – признание. Оно может быть полным или частичным. То же относится и к тем случаям, когда обвиняемый отрицает свою вину (полное или частичное отрицание). Обвиняемый может также, признавая некоторые факты, события, отрицать пре-

ступный характер деяния (считать, что действовал в состоянии необходимой обороны, в силу случайного стечения обстоятельств, при обоснованном риске и т.п.).

Особую группу составляют показания обвиняемого в отношении других лиц при так называемом оговоре. Такие показания всегда направлены на обвинение другого лица, при этом обвинение заведомо ложное. В иных случаях их следует считать показаниями обвиняемого в отношении других лиц.

Показания обвиняемого нельзя рассматривать с позиции их приоритетности по отношению к другим доказательствам. Часть 2 ст. 77 конкретизирует общее требование ст. 88 применительно к данному виду доказательств. Необходимость такой констатации обусловлена опасностью ошибок, связанных с переоценкой значимости признания.

Признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств (ч. 2, ст. 77 УПК РФ). В случае признания обвиняемым своей вины, полученного в ходе неоднократных допросов, сопоставляются все имеющиеся показания лица (в том числе дававшиеся им в качестве подозреваемого, свидетеля) для установления наличия либо отсутствия существенных противоречий и проверки соответствия изложенного события другим доказательствам по делу. Наличие существенных противоречий, не получивших объяснения, означает недостаточность доказательств для вывода о виновности⁵⁵.

Аналогичная процедура должна применяться при оценке обвиняемым своей вины. В этом случае изучаются и сопоставляются сведения об опровергающих обвинение обстоятельствах с указанием источников этих сведений, а также показания в отношении других лиц. Здесь надо учитывать общее положение Конституции РФ (ч. 3, ст. 48) о том, что неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

При изменении показаний по другим основаниям необходимо выяснить и проверить причины, на которые обвиняемый ссылается при этом.

Для обоснования вывода могут быть использованы предыдущие показания, если они согласуются со всеми материалами дела и установлена необоснованность изменения ранее данных показаний. При этом осуществляется сопоставление с другими доказательствами, производятся дополнительные следственные и судебные действия и т.п.

Если обвиняемый ссылается на оговор, у него выясняются возможные мотивы и чем это подтверждается. В обвинительном заключении, постановлении о прекращении дела, приговоре приводятся доказательства, которыми эта ссылка подтверждается или опровергается.

Показания обвиняемого, при даче которых присутствовал прокурор, защитник, не имеют преимуществ без проверки и оценки их содержания в совокупности с другими доказательствами. Но присутствие указанных лиц имеет значение при оценке обоснованности последующего отказа обвиняемого от своих показаний или их существенного изменения по мотиву того, что допрашивающий нарушал законность при их получении.

Показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника,

⁵⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1980. – № 5. – С. 8.

включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде, являются недопустимыми для использования в качестве доказательств.

2.3 Роль и значение защитника в осуществлении прав ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО

Конституция Российской Федерации в ст. 48 закрепляет право каждого на получение квалифицированной юридической помощи и право каждого задержанного, заключенного под стражу, обвиняемого в совершении преступления, пользоваться услугами адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

Защитник – это лицо, которое допускается к участию в деле для защиты прав и интересов подозреваемого, обвиняемого, а также для оказания подозреваемому, обвиняемому юридической помощи⁵⁶. Деятельность защитника направлена на опровержение обвинения (подозрения), на поиск оправдывающих или смягчающих вину обстоятельств.

Закон предусматривает участие защитника со стадии предварительного расследования: как при проведении дознания, так и при производстве предварительного следствия (ст. 49 УПК РФ). Защитник может участвовать на стороне обвиняемого и в интересах подозреваемого. Следовательно, имеется в виду не один участник уголовного процесса, а два: защитник подозреваемого и защитник обвиняемого. При этом защитник обвиняемого участвует в деле с момента, указанного в ч. 3 ст. 49 УПК РФ. Согласно новому УПК значительно расширен перечень случаев возможности допуска защитника к участию в уголовном деле.

Законом предусмотрено, что в качестве защитников могут быть допущены близкие родственники, а также другие лица. Примечательно, что принять решение о допуске указанных лиц к участию в деле могут только судья или суд, причем указанные лица могут быть защитниками обвиняемого, но не участвовать на стороне подозреваемого.

Юридический смысл понятий "близкие родственники", "законные представители" раскрыт в п. 4 и 12 ст. 5 УПК РФ.

Допускаемые в соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ в качестве защитников лица могут участвовать в деле лишь наряду с адвокатом. Закон увязывает их вступление в уголовный процесс с процессуальными актами суда или судьи. Представляется, что подобное решение суд может принять не только в стадии судебного следствия, но и, например, при рассмотрении одного из вопросов досудебного производства. Возможна ситуация, когда иное лицо допущено в дело, а обвиняемый потом отказался от адвоката. В подобном случае иное лицо будет продолжать защиту.

Приобретя право участвовать в уголовном судопроизводстве, защитник реализует свои процессуальные права не только на дознании и предварительном следствии, но и на последующих стадиях уголовного процесса, поскольку в них имеет право участвовать (допускается участие) обвиняемый (подсудимый, осужденный).

Необходимо иметь в виду, что от воли обвиняемого (подозреваемого) зависит не только выбор защитника (а следовательно, и его участие), но и реализация избранных им средств защиты. В связи с этим важнейшее значение для выбора средств защиты и корректи-

⁵⁶ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 1 – С. 17.

ровки позиции по делу имеет предоставление защитнику возможности в любое время иметь с подозреваемым или обвиняемым свидания наедине без ограничения их количества и продолжительности.

Закон предоставляет защитнику широкие возможности для реализации его прав и обязанностей на предварительном следствии и дознании, в ходе всего судебного разбирательства, в стадии кассационного производства. Он имеет право участвовать в закрытом заседании суда при проверке законности и обоснованности решений органов предварительного расследования об аресте или продлении срока содержания под стражей.

Ограниченные процессуальные возможности имеет защитник, как и обвиняемый, на этапе проведения подготовительных действий к судебному заседанию. Вместе с тем было бы ошибочно считать, что он вообще исключен из числа участвующих в этой стадии субъектов. Во-первых, он имеет право заявить суду ходатайства по широкому кругу вопросов (например, о прекращении дела, возвращении его для дополнительного расследования, об изменении меры пресечения и др.). Во-вторых, защитник может быть вызван судьей для объяснений по поводу заявленных ходатайств, некоторые из которых подлежат удовлетворению при любых обстоятельствах. Заявленные ходатайства могут оказать влияние на выбор варианта принимаемого судьей решения.

Обязательным является участие защитника при предварительном слушании дела в суде присяжных (п. 6 ст. 51 УПК РФ). Этот этап производства в суде присяжных построен на основе состязательности с обеспечением равенства процессуальных прав сторон. По делам частного обвинения защитник допускается с момента принятия судом дела к своему производству.

Подозреваемому, обвиняемому (подсудимому) необходимо своевременно сказать о возможности участия защитника и о моменте его допуска в уголовный процесс.

При участии защитника на дознании или предварительном следствии допросы подозреваемого и обвиняемого проводятся в присутствии защитника. Последний присутствует при разъяснении подозреваемому тех обстоятельств, по которым он подозревается, и при предъявлении лицу обвинения.

Закон не ограничивает числа обвиняемых (подозреваемых), которых может защищать на дознании, предварительном следствии или в суде один защитник. Он лишь оговаривает, что одно лицо не может защищать двух обвиняемых (подозреваемых), у которых имеются противоречивые интересы. Приведенные положения не означают наличия беспредельной возможности защищать по одному делу любое число обвиняемых (подозреваемых). Заключая соглашение с клиентом, адвокат (заведующий юридической консультацией) должен оценивать объем и сложность дела, учитывать возможность возникновения противоречий у обвиняемых в будущем и т.п. Верховный Суд РФ участие защитника на стороне двух подсудимых, имеющих противоречивые интересы по делу, приравнивает к отсутствию защиты, признает существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену приговора.

Нарушением права обвиняемого на защиту признается и такая ситуация, когда адвокат осуществлял защиту в отношении лица, интересы которого противоречат интересам другого лица, которому он

оказывал юридическую помощь по другому делу.

ПРИГЛАШЕНИЕ, НАЗНАЧЕНИЕ И ЗАМЕНА ЗАЩИТНИКА, ОПЛАТА ЕГО ТРУДА

Действующий закон предусматривает различные формальные основания к допуску защитника в уголовное судопроизводство: по приглашению обвиняемого, его законного представителя, других лиц, а также по назначению следователя или суда. Сообразно этому различаются защитники по приглашению (договору) и защитники по назначению.

Выбор защитника обвиняемыми (подозреваемыми) либо по их просьбе или с их согласия другими лицами – это важная гарантия обеспечения указанным участникам уголовного процесса права на защиту.

Однако выбор защитника – это не только юридически значимый акт. В нем присутствует и этическое начало, выражающееся прежде всего в наличии взаимного доверия у сторон, заключающих договор на ведение дела. Это доверие – обстоятельство, в значительной степени обуславливающее нормальное развитие отношений защитника и подзащитного в ходе уголовного судопроизводства. Вот почему закон отдает предпочтение участию защитника, избранного обвиняемым (подозреваемым) (ч. 2, ст. 48 УПК РФ). Одновременно закон, оберегая доверие между обвиняемым и защитником, запрещает допрашивать в качестве свидетеля защитника об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием, а адвоката – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи (п. 2, 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). Если же защитник или представитель потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика подлежит допросу в качестве свидетеля не об указанных обстоятельствах, они должны быть устранены из производства по уголовному делу⁵⁷.

Верховный Суд Российской Федерации последовательно признает существенным нарушением уголовно-процессуального закона факт необеспечения обвиняемому права пригласить защитника по своему выбору; усматривает нарушение закона также в том, чтобы вместо избранного адвоката защиту осуществлял другой защитник. Аналогичную позицию занимает Верховный Суд России, когда поддерживает право подсудимого на осуществление в суде защиты его интересов тем адвокатом, который защищал его интересы в стадии предварительного следствия.

Просьба обвиняемого об обеспечении участия защитника должна быть надлежащим образом процессуально оформлена (в виде письменного или устного ходатайства). Эти ходатайства могут быть представлены в общей форме, а могут содержать просьбу о назначении конкретного адвоката.

Принимая решение о вынужденной замене защитника, необходимо объяснить заинтересованному лицу, чем вызвано принимаемое решение, а также получить от него согласие на участие в качестве защитника другого адвоката. Исходя из смысла ч. 3, ст. 50 УПК РФ

⁵⁷ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 9. – С. 11.

законодатель регламентирует процедуру предложения и назначения обвиняемому другого защитника в случае неявки избранного ранее. Надо учитывать, что назначение будет считаться правомерным только тогда, когда в материалах дела имеются подтверждения факта уведомления избранного обвиняемым защитника, а равно невозможность это сделать.

Федеральным законом "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" (п. 3, ст. 3) на органы государственной власти возложена обязанность финансировать деятельность адвокатов, в предусмотренных отечественными законами случаях бесплатно оказывающих юридическую помощь⁵⁸.

Правительство Российской Федерации 4 июля 2003 г. приняло специальное постановление № 400 "О размере оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда". Им определено, в частности, что размер оплаты труда адвоката составляет за один день участия не менее одной четверти минимального размера оплаты труда (МРОТ) и не более минимального размера оплаты труда, предусмотренного законодательством Российской Федерации для регулирования оплаты труда, а также для определения размеров пособий по временной нетрудоспособности.

Следует заметить, что при определении размера оплаты труда адвоката учитывается сложность уголовного дела.

При определении сложности уголовного дела учитываются подсудность (уголовные дела, рассматриваемые Верховным Судом Российской Федерации, верховными судами республик в составе Российской Федерации и приравненными к ним судами в качестве суда первой инстанции), число и тяжесть вменяемых преступлений, количество подозреваемых, обвиняемых (подсудимых), объем материалов дела, необходимость выезда адвоката в процессе ведения дела в другой населенный пункт и другие обстоятельства.

В районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а также в других местностях с тяжелыми климатическими условиями, в которых законодательством Российской Федерации установлены процентные надбавки и (или) районные коэффициенты к заработной плате, оплата труда адвоката осуществляется с учетом указанных надбавок и коэффициентов.

Оплата труда адвоката производится по его заявлению на основании постановления (определения) органа дознания, органа предварительного следствия, прокурора или суда. При длительном участии адвоката в качестве защитника постановление (определение) об оплате труда адвоката выносится ежемесячно (с учетом фактически отработанных дней).

Постановление (определение) об оплате труда адвоката, заверенное печатью органа дознания, органа предварительного следствия, прокуратуры или суда, направляется в соответствующую финансовую службу (орган) для перечисления указанных в нем средств на текущий (расчетный) счет адвокатского образования.

⁵⁸ См.: Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон № 63-ФЗ от 31.05.2002.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА

Перечисление случаев обязательного участия защитника вызвано наличием при производстве по делу ситуаций, когда обвиняемый (подозреваемый) в силу различных обстоятельств, указанных в законе, или субъективных причин не в состоянии самостоятельно осуществлять полноценную защиту своих интересов (ст. 51 УПК РФ).

Согласно закону при производстве предварительного следствия по делам, которые могут стать предметом рассмотрения суда присяжных, участие защитника обязательно при объявлении обвиняемому об окончании предварительного следствия и предъявлении ему для ознакомления всех материалов дела. Необеспечение участия защитника на этом этапе предварительного следствия рассматривается как существенное нарушение уголовно-процессуального закона и вызывает возвращение дела для дополнительного расследования, а если приговор вынесен – его отмену.

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил судам, что участие защитника по делу о преступлении несовершеннолетнего обязательно, независимо от того, достиг ли обвиняемый, совершивший преступление в возрасте до 18 лет, к этому времени совершеннолетия⁵⁹.

Следует заметить, что уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит упоминания о физических недостатках, наличие которых у обвиняемого (подозреваемого) обуславливает обеспечение обязательного участия защитника. Предполагается, что следователь и суд решают этот вопрос в зависимости от того, может ли обладатель этих недостатков практически использовать свои субъективные права, то есть реализовать свое право на защиту.

Обязательное участие может иметь место как в отношении защитника по назначению, так и по приглашению обвиняемого или других лиц (ч. 3, ст. 51 УПК РФ). Законодатель отдает предпочтение участию защитника на основе приглашения. При этом избранным признается не только защитник, по поводу участия которого заключено соглашение, но и адвокат, которого обвиняемый (подсудимый), находясь под стражей, приглашает через суд.

ОТКАЗ ОТ ЗАЩИТНИКА

В соответствии и на основании ст. 52 УПК РФ законодатель допускает право на отказ от защитника и формулирует жесткое условие: такой отказ юридически значим только в том случае, если он сделан по инициативе самого обвиняемого, подозреваемого, о чем должно быть четко и однозначно указано в соответствующих протоколах либо в добровольно представленных указанными субъектами письменных ходатайствах, заявлениях.

При этом следователем, судом должны быть выяснены действительные мотивы отказа от защитника. Если же отказ от защитника заявлен в судебном разбирательстве, суд (судья) обязан обсудить это ходатайство в соответствии с правилами ст. 271 УПК РФ, выслушать мнение остальных участников судебного разбирательства и

⁵⁹ См.: О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 7 от 14.02.2000.

вынести определение (постановление) в соответствии со ст. 159 УПК РФ.

Следует заметить, что следователь, дознаватель (суд, судья), рассматривая поступившее заявление об отказе от защитника, должны различать отказ от помощи защитника вообще и от назначенного защитника, поскольку в указанных случаях могут наступить различные процессуальные последствия.

Отказ подсудимого от услуг неявившегося в судебное заседание защитника Верховный Суд РФ рассматривает как вынужденный и квалифицирует как частное проявление нарушений права обвиняемого на защиту. Аналогичным образом расцениваются и другие формы отказа от защитника при фактическом необеспечении участия последнего.

В качестве мотивов к отказу от защитника могут выступать: незнание назначенного адвоката, желание иметь другого адвоката в качестве защитника, недоверие к рекомендуемому адвокату, отсутствие средств на оплату и т.п. Дознаватель, следователь обязаны помочь обвиняемому (подозреваемому) разобраться в сложившейся ситуации, а если отсутствуют средства на оплату труда адвоката – разъяснить ему положения ч. 5 ст. 50 УПК РФ⁶⁰.

Отказ обвиняемого или подозреваемого от защитника не является препятствием к приглашению или назначению защитника на последующих этапах производства по делу. Причем законодатель прямо указывает, что в данном случае допуск защитника не влечет за собой повторных следственных действий, которые к этому времени уже были произведены.

Нарушением права обвиняемого (подозреваемого) на защиту признается неразъяснение ему процессуальных прав, которые он приобретает ввиду удовлетворения заявленного отказа от защитника.

Указание в ч. 2 ст. 52 УПК РФ о необязательности для суда, следователя, прокурора отказа от защитника не означает, что они могут не рассматриваться. Заявленные отказы от защитника во всех случаях подлежат рассмотрению, но в указанных случаях они должны быть рассмотрены особенно тщательно, учитывая, что отказ исходит от лиц, особенно нуждающихся в защите. Однако просьбы указанных лиц могут быть отклонены. При этом принятые постановления (определения) должны быть разъяснены заинтересованным участникам уголовного процесса, а защитник либо продолжает участвовать в уголовном процессе, либо вместо него назначается другой адвокат.

⁶⁰ См.: О размере оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда: Постановление Правительства Российской Федерации № 400 от 04.07.2003.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По проблемам, рассмотренным в настоящей работе, представляется возможным сформулировать следующие выводы.

1 Права и свободы человека и гражданина, его честь и достоинство являются высшей ценностью общества, государства и предполагает, кроме прочего, достаточное обеспечение прав и законных интересов человека.

Задача построения правового государства требует всестороннего совершенствования законодательства, укрепления законности и правопорядка. Особая роль в связи с этим принадлежит деятельности правоохранительных органов, как важному средству борьбы с преступностью и защиты прав граждан.

2 Проблема обеспечения прав подозреваемого и обвиняемого сегодня поставлена в центр правовой реформы, что вполне понятно, ибо человек является высшей социальной ценностью в любом цивилизованном гражданском обществе. И уже тем более велико значение личности в сфере уголовного процесса, так как здесь затрагиваются ее наиболее существенные права и интересы. К сожалению, на практике нарушение прав участников уголовного судопроизводства достаточно распространено. Чаще всего это происходит в стадии предварительного расследования.

3 В материалах уголовного дела обязательно должна иметься доказательственная информация, позволяющая судить об обоснованности решения о применении процессуального принуждения. Иначе невозможно, в случае необходимости, убедиться в законности применения к лицу конкретной принудительной меры или оспорить ее правомерность, как теперь становится возможным, перед судом.

Нельзя подходить к обвиняемому (подозреваемому) как к врагу, которого надо переиграть и психологически подавить. Стремление получить признание во что бы то ни стало ведет к нарушению не только нравственных, но и правовых норм

4 ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ НАПРАВЛЕНА НА СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В УСЛОВИЯХ ПРИЧАСТНОСТИ ИХ К ПРОИЗВОДСТВУ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ НА ВСЕХ ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ, В ТОМ ЧИСЛЕ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОРД, РАССМОТРЕНИИ И РАЗРЕШЕНИИ ЗАЯВЛЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ.

ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ РЕШАЕТСЯ ЗАДАЧА НЕ ТОЛЬКО РЕАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОБЛЮДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО, НО И ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ЧАСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ТРЕБОВАНИЯ ЗАКОНА О ТОМ, ЧТОБЫ НИ ОДНО ЛИЦО, СОВЕРШИВШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НЕ ИЗБЕЖАЛО УСТАНОВЛЕННОЙ ЗАКОНОМ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.

5 Наличие данных о причастности лица к преступлению само по себе еще не является достаточным для того, чтобы считать его подозреваемым по делу в уголовно-процессуальном смысле слова. Подозрение должно быть формализовано в решениях, перечисленных в УПК РФ.

6 Показания обвиняемого имеют как бы двойственную процессуальную природу: с одной стороны, это сведения о фактах, обстоятельствах, а с другой – средство защиты своих интересов, и поэтому могут содержать, кроме фактических данных, также мнения, предположения. Последние не имеют доказательственного значения, но могут быть предметом рассмотрения в качестве "сигнальной" информации, служить основанием для версий о наличии обстоятельств, опровергающих обвинение или смягчающих ответственность.

7 Приобретя право участвовать в уголовном судопроизводстве, защитник реализует свои процессуальные права не только на дознании и предварительном следствии, но и на последующих стадиях уголовного процесса, поскольку в них имеет право участвовать (допускается участие) обвиняемый (подсудимый, осужденный).

От воли обвиняемого (подозреваемого) зависит не только выбор защитника (а следовательно, и его участие), но и реализация избранных им средств защиты. В связи с этим важнейшее значение для выбора средств защиты и корректировки позиции по делу имеет предоставление защитнику свиданий в любое время с подозреваемым или обвиняемым наедине без ограничения их количества и продолжительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Конституция Российской Федерации. – М. : Юрид. л 1993. – 64 с.
- 2 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М. : "Омега-Л", 2006. – 264 с. (в ред. от 03.03.2006 № 33-ФЗ).
- 3 О милиции : закон Рос. Федерации № 1026-1 от 18 апр. 1991 г. (в ред. от 09.05.2005 № 45-ФЗ).
- 4 О прокуратуре Российской Федерации : закон Рос. Федерации № 2202-1 от 17 янв. 1992 г. (в ред. от 15.07.2005 № 85-ФЗ).
- 5 О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации : закон Рос. Федерации № 5242-1 от 25 июня 1993 г.
- 6 Об оперативно-розыскной деятельности : закон Рос. Федерации № 144-ФЗ от 12 авг. 1995 г. (в ред. от 29.06.2004 № 58-ФЗ).
- 7 О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон № 103-ФЗ от 15 июля 1995 (в ред. от 29.06.2004 № 58-ФЗ).
- 8 Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федер. закон № 63-ФЗ от 31 мая 2002 г.

9 Об организации прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием : приказ Генерального прокурора Рос. Федерации № 31 от 18 июня 1997 г. (с изм., внесенными Приказом Генпрокуратуры РФ от 05.07.2002 № 39).

10 О размере оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда : постановление Правительства Рос. Федерации № 400 от 04 июня 2003 г.

11 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 11-П от 27 июня 2000 г.

12 О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации № 7 от 14 февр. 2000 г.

13 О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации № 1 от 5 марта 2004 г.

14 Ветров, А.П. Права и обязанности в уголовном процессе / А.П. Ветров. – Саратов, 2004. – С. 34.

15 Вышинский, А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский. – М., 1950. – С. 264.

16 Дутов, В.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность / В.И. Дутов. – М. : Юрид. лит., 2003. – 304 с.

17 Егоров, Н.А. Собираание доказательств в уголовном процессе / Н.А. Егоров. – Саратов, 2003. – С. 14.

18 Зверев, В.З. Проблемы обвинения и защиты по уголовным делам / В.З. Зверев. – Волгоград, 2004. – С. 42.

19 Зинатуллин, З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность / З.З. Зинатуллин. – Казань, 1981. – С. 8.

20 Зинатуллин, З.З. Уголовно-процессуальное доказывание : учеб. пособие / З.З. Зинатуллин. – Ижевск, 1997. – С. 141 – 142.

21 Корнуков, В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков. – Саратов, 1978. – С. 17 – 18.

22 Кудин, Ф.М. Принуждение в уголовном судопроизводстве / Ф.М. Кудин. – Красноярск, 1985. – С. 63.

23 Кузьмин, В.В. Предмет уголовно-процессуального права / В.В. Кузьмин. – Свердловск, 2002.

24 Лазарев, В.М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства / В.М. Лазарев. – М., 2003. – С. 75.

25 Ларин, А.М. Работа следователя с доказательствами / А.М. Ларин. – М., 1966. – С. 30.

26 Лебедев, А.В. Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве / А.В. Лебедев. – М., 2003. – С. 35.

27 Лысиков, О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву / О.Э. Лысиков. – М., 1981. – С. 81.

28 Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – С. 749.

29 Панюшкин, П.Б. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство / П.Б. Панюшкин. – Воронеж, 2003. – С. 307.

30 Петрухин, И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение / И.Л. Петрухин. – М., 1985.

31 Петрухин, И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И.Л. Петрухин. – М. : Изд-во "Наука", 1992. – 256 с.

32 Печников, Н.П. Правоохранительные органы Российской Федерации : учеб. пособие / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. – 132 с.

33 Печников, Н.П. Защита прав и свобод личности в уголовном процессе : монография / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. – 84 с.

34 Печников, Н.П. Деятельность правоохранительных органов по расследованию, раскрытию и предупреждению преступлений : монография / Н.П. Печников. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. – 84 с.

35 Строгович, М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности / М.С. Строгович. – М., 1984. – С. 17.

36 Чадаев, А.Т. Контроль над преступностью в государствах англосаксонской системы права / А.Т. Чадаев. – М., 2000. – С. 17.

37 Якубович, Н.А. Охрана конституционных прав личности на предварительном следствии / Н.А. Якубович. – М., 1989. – С. 31.

38 Ветров, А.М. Нетрадиционные методы раскрытия преступления / А.М. Ветров // Государство и право. – 1995. – № 9. – С. 60 – 62.

39 Ветров, А.М. Полиграф и права личности в уголовном процессе / А.М. Ветров // Сов. государство и право. – 1998. – № 6. – С. 99 – 103.

39 Глазырин, Ф.В. Криминалистические гарантии прав и интересов обвиняемого на предварительном следствии / Ф.В. Глазырин // Укрепление законности в деятельности следователей в свете Конституции СССР. – М., 1979. – С. 77 – 78.

40 Закатов, А.А. К вопросу о применении полиграфа в расследовании преступлений / А.А. Закатов // Права человека и правоохранительная деятельность. – Волгоград, 1995. – С. 140.

41 Ларин, А. Они видят преступника в каждом обвиняемом / А. Ларин // Сов. юстиция. – 1992. – № 4. – С. 2.

42 Никандров, В. Подсудимый заявил: ко мне применяли незаконные методы расследования / В. Никандров // Рос. юстиция. – 1995. – № 8. – С. 28.

43 Печников, Н.П. Некоторые уголовно-процессуальные аспекты соблюдения гарантий прав личности / Н.П. Печников // Материалы междунар. науч.-практ. конф. – СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1996. – Ч. 3. – С. 24 – 25.

44 Печников, Н.П. Выбор тактических приемов и соблюдение прав участников при производстве отдельных следственных действий / Н.П. Печников // Информационный бюллетень / Тамбовский филиал юридического института МВД России. – Тамбов, 1999. – Вып. 1. – С. 13 – 14.

45 ПЕЧНИКОВ Н.П. В ДЕБРЯХ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ / Н.П. ПЕЧНИКОВ // МАТЕРИАЛЫ НАУЧ.-ПРАКТ. КОНФ. – ТАМБОВ, 2000. – С. 16 – 17.

46 Печников, Н.П. Некоторые аспекты правоохранительной деятельности в современных условиях / Н.П. Печников // Информационный бюллетень. – Тамбов : Изд-во Тамб. филиала Московского

ун-та МВД России, 2003. – С. 94 – 96.

47 Печников, Н.П. Доказательства в системе средств обеспечения обвинения и защиты / Н.П. Печников // Проблемы борьбы с преступностью. – Тамбов, 2003 – С. 10 – 13.

48 Печников, Н.П. Правовое регулирование и защита прав личности / Н.П. Печников // Материалы науч.-практ. конф. курсантов, студентов и молодых ученых вузов г. Тамбова. – Тамбов : Изд-во Тамб. филиала Московского ун-та МВД России, 2003. – С. 112 – 113.

49 Печников, Н.П. Механизм правового регулирования как одно из средств противодействия преступности и вопросы его совершенствования / Н.П. Печников // Материалы науч.-практ. конф. курсантов, студентов и молодых ученых вузов г. Тамбова / Тамбовский филиал Московского ун-та МВД России. – Тамбов, 2004. – С. 114 – 117.

50 Печников, Н.П. Формирование профессионального сознания юриста / Н.П. Печников // Междунар. науч.-практ. конф. курсантов и молодых ученых вузов / Тамбовский филиал Московского ун-та МВД России. – Тамбов, 2004. – С. 25 – 27.

51 Печников, Н.П. Проблемы обвинения и защиты по уголовным делам / Н.П. Печников // Проблемы методики расследования преступлений. – Тамбов, 2005. – Вып. 3. – 53 с.

52 Розин, А.А. О вознаграждении лиц, невиновно привлеченных к уголовному суду / А.А. Розин // Проблемы предварительного расследования. – Саратов, 2003. – Вып. 9. – С. 83.

53 Строгович, М.С. О правах личности в советском уголовном судопроизводстве / М.С. Строгович // Сов. государство и право. – 1976. – № 10. – С. 74 – 75.

54 Тетушкин, Б. Закон не учел мнение юридической общественности / Б. Тетушкин // Рос. юстиция. – 2002. – № 12. – С. 16.

55 Феофанов, Ю.В. Как они борются с преступностью / Ю.В. Феофанов // Рос. юстиция. – 1995. – № 5. – С. 12.

56 Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1980. – № 5. – С. 8.

57 Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – № 9. – С. 11.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1 ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЦ, ПОДВЕРГАЮЩИХСЯ УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ	4
1.1 Предпосылки и условия обеспечения права на за- щиту от уголовного преследования	4
1.2 Сущность и задачи прокурорского надзора за ис- полнением законов в деятельности органов дозна- ния и предварительного следствия	41
2 ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБ- ВИНЯЕМОГО: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АС- ПЕКТЫ	48
2.1 Подозреваемый в уголовном процессе	48
2.2 Обвиняемый в уголовном процессе	54

2.3 Роль и значение защитника в осуществлении прав подозреваемого и обвиняемого	61
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	71
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	74